

АЛЕКС РУДИН

ЕГЕРЬ 3
НАЗАД В СССР

Алекс Рудин

Егерь-3: Назад в СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69898606

SelfPub; 2023

Аннотация

Судьба подарила мне второй шанс – прожить жизнь в любимой, хоть и давно исчезнувшей стране. Я сделаю всё, чтобы эта жизнь не была напрасной... А ещё исполню свою детскую мечту. Продолжаются приключения егеря Андрея Сеницына. Сумеет ли герой спасти отца?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	55
Глава 5	71
Глава 6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Алекс Рудин
Егерь-3: Назад в СССР

Глава 1

Из-под земли, из тёмной глубины лисьей норы доносились яростный лай и рычание.

– Георгий Петрович, отнорок держите! – крикнул я генералу. – Встаньте так, чтобы удобно было стрелять!

Генерал без споров занял удобную позицию.

В моих руках рвался с поводка Серко. Он хрипел, захлёбывался сирым лаем и норовил просунуть в нору лобастую голову. Целиком пёс в лаз не пролезал – лиса выкопала его под свои скромные габариты.

Владимир Вениаминович, стоя возле главного лаза с ружьём в руках, прислушивался к звукам, которые глухо доносились из-под земли.

Там шла битва не на жизнь, а на смерть!

Фокстерьер Беглова сцепился с лисой где-то в самой глубине тёмного лаза, и мы ничем не могли ему помочь.

Лиса была опытной, ушлой. Она, видно, сразу поняла, что уйти запасным ходом не удастся, и решила драться под землёй. Хитрый зверь понимал, что люди с ружьями туда не пролезут, а с собакой можно потягаться. Когти против когтей, зубы против зубов!

Лицо Беглова побелело от волнения. Пальцы крепко сжимали шейку приклада.

Мы не знали ширину норы. Если в пылу драки пёс и лиса развернутся – лисица может броситься наружу и через главный ход.

Звонкий лай фокстерьера перекрывал высокое тьявканье разозлённой лисы.

– Какого чёрта я только Жеку взял? – корил себя Владимир Вениаминович. – Два пса мигом бы с ней управились!

Он был не прав. Две собаки могли только помешать друг другу в тесной норе. Да и главной задачей собаки было выгнать лисицу наружу, под выстрелы. Кто же знал, что лиса предпочтёт отбиваться под землёй?

Серко, изнывая от нетерпения, снова принялся копать лаз, расширяя его. Он тянул и дёргал поводок, я еле удерживал пса. По лицу из-под шапки текли струйки пота, спина взмокла.

Собака и лиса дрались под землёй уже больше получаса, и никто не мог сказать – когда это кончится. А шутка ли – полчаса удерживать на поводке здорового рвущегося пса?

Сухие ломкие листья громко хрустели под сапогами. Октябрь выдался сухой, без дождей. А сегодня утром, как специально, ударил первый лёгкий морозец.

В такую тихую погоду лиса лежит чутко. Малейший шорох, хруст ветки или мёрзлых листьев может её спугнуть. Поэтому мы понадеялись на быстроту. Зашли к норе с двух сторон и сразу спустили фокса. Он залился радостным лаем, исчез в тёмной глубине лаза, и почти сразу мы услышали тьяв-

канье лисы и рычание драки.

– Похоже, пёс зажал лису в угол! – крикнул я Владимиру Вениаминовичу. – Справится?

– Должен! – ответил психотерапевт, но уверенности в его голосе не было.

Ладно, поглядим! Охота – на то и охота, что полной уверенности здесь быть не может. Или ты обхитришь зверя, или он тебя.

Холодный ветерок пощипывал щёки и кисти рук. Но мы в азарте не замечали его. Только приплясывали от нетерпения, переминаясь с ноги на ногу.

Нора была та самая, которую при нашей первой встрече мне показал Жмыхин. Лисята давно выросли и разошлись по участку, а мать осталась в этом овраге, который густо зарос березняком и ольхой. Нору она, как видно, выкопала сама – об этом говорил всего один запасной отнорок. У барсучьих нор отнороков и выходов куда больше. Иногда такие норы представляют собой целые лабиринты в несколько этажей, вырытые в песчаной почве.

Оно и понятно. Барсук зимой не выходит из норы – там у него обязательно должно быть тёплое гнездо и кладовая с запасами еды на долгую холодную зиму.

А лиса – это зверь-бродяга. Не в том смысле, что любит путешествовать. Но почти каждую ночь, если позволяет погода, лиса выходит на охоту. А днём отлёживается под ёлкой в корнях, или в утоптанном сугробе. Норой же пользуется от

случая к случаю.

Только ближе к весне, когда лисы готовятся принести щенков, они снова активно ищут и занимают норы. Тогда и до драк доходит за удобное место для выведения потомства!

Но время от времени лиса, всё-таки отдыхает в норе, и мы застали её именно в этот момент.

Я убедился, что генерал и Владимир Вениаминович стоят наготове с ружьями. Отвёл Серко подальше и привязал его к дереву, чтобы не мешал. А сам взобрался на холм, под которым располагалась нора, лёг на землю и прислушался к лаю и рычанию, которые доносились снизу.

Я пытался определить – перемещаются звери, или нет. Сделать это было трудно из-за толщи земли. Минут через пять я убедился, что звуки доносятся из одного места.

Плохо дело!

Лисица окончательно решила не выходить наружу, и теперь вся надежда только на собаку. Фокстерьер упорен – он ни за что не бросит добычу. Отзывать его бесполезно. Остаётся только ждать, не ослабляя бдительности.

В октябре день не настолько короток, как зимой. Но всё же была опасность провозиться до темноты. Если в сумерках лиса всё же решится на бегство – стрелять по ней будет трудно. Скажутся усталость и плохая видимость.

Показалось или нет?!

Звуки немного сдвинулись, стали ближе к главному выходу из норы.

Я сделал знак Владимиру Вениаминовичу.

– Внимание! Вроде, на нас идёт!

Ещё через пять минут я убедился, что звук медленно движется. Похоже, собака тащила лису из норы наружу, а та упиралась изо всех сил. У фокстерьера мёртвая хватка челюстей. Жека способен часами висеть, вцепившись зубами в поднятую палку. В этом я убедился лично – Владимир Вениаминович вчера вечером хвастал, ради забавы.

Если пёс вцепился в лису – он её не выпустит. И похоже, собака, всё-таки, оказалась сильнее.

Ещё через несколько минут рычание слышалось у самого выхода. А затем из норы показался обрубленный курчавый собачий хвост. Хвост вытянулся и подрагивал от напряжения. Жека, изо всех сил упираясь крепкими лапами в землю, пятился и тащил лисицу наружу.

Я приготовил ружьё и крикнул Владимиру Вениаминовичу:

– Тащи пса!

Психотерапевт забросил своё ружьё за спину, ухватил Жеку за задние лапы и потащил из норы. Жека рычал, не разжимая челюстей.

Ничего себе! Так это мы не лису взяли, а матёрого лисовина, самца! И как только Жека умудрился с ним справиться? Понятно, почему лис не хотел выходить наружу – надеялся совладать с собакой и не подставиться под выстрелы.

Но Жека молодец – перебирая челюстями по густой ли-

сьей шерсти, добрался-таки до горла и намертво вцепился в него.

Придушенная лиса слабо перебирала лапами. Плотнo сжав губы, Владимир Вениаминович умело добил её палкой и принялся разжимать собачьи челюсти.

– Пусти, Жека, пусти! – приговаривал он, опустившись на колени. – Пусти, всё!

Пёс рычал, курчавая шерсть дыбилась на загровке.

Я почувствовал, как меня постепенно отпускает азарт охоты. Это всегда так. Пока зверь не загнан – не чувствуешь ни голода, ни жажды, ни холодного ветра. Только неистовое желание выследить, догнать и добыть.

Но едва охота закончена – все ощущения возвращаются с новой силой. И сразу чувствуешь, как бежит по вспотевшей спине холодок, как тоскливо урчит желудок, в котором с раннего утра побывала только чашка чая с бутербродом, как гудят натруженные за день ноги.

– Смотрите – какой красавец!

Владимир Вениаминович, наконец, выпрямился, держа в руках добытого лиса. Длинный рыжий мех с серебристой опушкой переливался при дневном свете. Широкая белая грудь и тёмные, почти чёрные передние лапы.

И правда – красавец!

Неутомимый Жека подпрыгивал и волчком крутился у ног хозяина, стараясь снова добраться до лисы.

– Отличный воротник получится, Володя! – одобрил, под-

ходя, Георгий Петрович. – Подаришь своей Марине, чтобы почаще отпускала на охоту.

– Марина меня понимает, – протянул, почти пропел басом Владимир Вениаминович. – А вот дела, служба...

Он пошарил в кармане, вытащил кусок сахара и протянул его Жеке.

– Держи, неугомонный!

Жека, радостно крутя коротким хвостом, схрумкал сахар.

Георгий Петрович устало присел на поваленное бревно. Вытащил из кармана папиросы и закурил.

– Как ваша нога? – спросил я его.

– Да что ей сделается, – отмахнулся генерал. – Болит.

– Сейчас костёр разведём, чаю попьём, – сказал я. – Да и к дому.

Я принялся собирать дрова. Владимир Вениаминович подвесил лису на дерево – повыше, чтобы не дотянулись собаки – и тоже стал мне помогать.

Мы развели небольшой костёр, подвесили над огнём закопчённый котелок. За водой я не поленился сходить к озеру – в бочажинах на дне оврага вода была только стоялая, подёрнутая радужной плёнкой затхлого налёта.

Очень скоро в котелке забулькала вода. Я всыпал в кипяток горсть заварки, кинул для запаха несколько малиновых прутьев, которые сломал тут же, в овраге.

Дождался, пока чайники осели на дно, и разлил по кружкам тёмно-коричневый горячий чай.

Владимир Вениаминович развернул промасленный свёрток с бутербродами.

– Жена собрала в дорогу, – улыбаясь, пророкотал он.

Шумно, обжигаясь, отхлебнул из чашки.

– Хорошо!

И впрямь, в лесу было хорошо. Наполовину сбросившие листву деревья стояли неподвижно. Каждая тонкая веточка отчётливо прорисовывалась в прозрачном воздухе. Только сосны упрямо зеленели, да по краю оврага стояли редкие тёмные ели.

Перекусив, мы залили костёр остатками чая и тщательно затоптали огонь сапогами.

– Пора идти, – сказал Георгий Петрович и со вздохом поднялся на ноги. Мы выбрались из оврага наверх и пошли берегом озера к базе.

Озеро казалось совершенно пустынным. Утки уже улетели. Ещё недавно на воде ночевали стаи запоздалых гусей, но и они ушли к югу. Я пригляделся и увидел, что ночью между стеблями тростника намёрзли первые тонкие ледяные забереги.

Наступило то самое межсезонье, когда охота по птице почти закончилась, а охота по первому снегу ещё не началась.

Охотники на базу наведывались редко – сейчас разве что зайца с гончими гонять. Но мало кто держал гончих собак в городе – эти псы не для тесной городской квартиры. А у сельских охотников были свои излюбленные места недалеко

от дома.

По выходным заезжали рыбаки – выходили на лодках побросать блесну, половить тёмную озёрную щуку, у которой шёл осенний жор. Кроме щуки часто попадались увесистые горбатые окуни – почти чёрные от торфяной воды.

Поэтому в воскресенье вечером я с чистым сердцем закрывал базу на замок, садился в машину и уезжал в Черёмуховку, где и проводил всю неделю. С Тимофеевым мы договорились, что в случае чего-то неожиданного он предупредит меня по телефону.

Вот и база. Пока прогревался мотор «ЛуАЗа», я проверил – всё ли в порядке. Подёргал замки на дверях, по привычке покосился в сторону погреба.

Тогда, летом, во время обыска, даже бывалые милиционеры давались диву – сколько оружия припрятал Жмыхин под большим деревянным ящиком, в котором хранилась прошлогодняя картошка. А я даже не удивлялся, глядя, как в машину грузят автоматы и ящики с гранатами. Устал, не до удивления было.

А потом была бесконечная череда допросов и протоколов.

Дверь в дом пришлось устанавливать заново – старая ремонту не подлежала. Надо было её покрасить, да руки пока не доходили – то одно, то другое. Так дверь и белела свежей, уже начинающей желтеть древесиной.

К чёрту! Будет время – со всем разберусь.

– Давайте грузиться! – сказал я охотникам.

Собаки первыми запрыгнули в машину, обнюхались и мирно улеглись на резиновом ковре, который закрывал холодный металл кузова. Когда и как они успели подружиться – непонятно. Наверное, у собак, как и у людей, всё происходит по принципу «свой – чужой». Если видишь своего, то короткого взгляда достаточно для того, чтобы появилось доверие. Ну, а с чужим человеком сколько времени ни проводи рядом – понимания не будет.

И Серко, и Жеке хватило короткого обнюхивания, чтобы признать друг в друге родственную охотничью душу. И теперь собаки мирно лежали рядом, поглядывая на нас блестящими глазами и вывалив длинные розовые языки.

– Развалились! – с показным недовольством сказал Владимир Вениаминович.

Сгорбившись в три погибели в тесном низком кузове «ЛуАЗа», он искал, куда поставить ногу в огромном сапоге.

– Оттопчу лапы – будете знать!

Наконец, психотерапевт сумел пробраться к заднему сиденью и плюхнулся на него огромным телом, облежённо вздыхая.

Я подал Владимиру Вениаминовичу ружья в чехлах, и он аккуратно уложил их вдоль заднего борта. Лису убрали в рюкзак, и псы то и дело принюхивались к нему, ловя запахи, незаметные для человеческого носа.

– Андрей Иванович! – просительно сказал Беглов. – Поможете с лисы шкуру снять? Сам боюсь испортить.

Я улыбнулся.

– Разберёмся, Владимир Вениаминович!

И тронул машину с места, бросив последний взгляд на базу.

Вечером мы варили уху на костре, на самом берегу Песенки.

Конечно, можно было воспользоваться и газовой плитой, и даже растопить печь. Тем более что ночь обещала быть холодной.

Но настоящая уха варится именно на открытом огне, она должна пахнуть дымом и свежестью.

Спешить нам было некуда. В этом есть особенная прелесть длинных осенних вечеров – чего-чего, а времени в них хватает.

Поэтому я вручил Владимиру Вениаминовичу удочку и отправил его на мостки – наловить окуней, плотвичек и любой другой мелкой рыбы.

Рустам, ожидая нас с охоты, переколот и сложил все оставшиеся дрова. Я показал ему лежавшие за домом кирпичи, которые частично уже вросли в землю. Они остались ещё от старого егеря.

Из этих кирпичей Рустам сложил что-то, вроде открытого очага. Развёл в нём огонь и поставил на кирпичи большой котёл с речной водой.

Это ещё одно непременно условие хорошей ухи – вода,

по возможности, должна быть из того же водоёма, что и рыба.

Пока грелась вода, я выпотрошил и почистил пойманную вчера щуку. Отрезал голову, хвост и плавники, а похожую на торпеду тушку разрезал на порционные куски.

Голову и хвост я положил в котёл. Когда они сварились, деревянной ложкой на длинной ручке выловил из котла и выбросил. Есть там нечего – вся польза только в наваре.

К тому времени Владимир Вениаминович надёргал с десятка окуней. Их я чистить не стал – вырезал желчные пузыри, чтобы уха не стала горькой, завернул рыбёшек целиком в марлю и опустил на десять минут в кипящий бульон.

К тому времени над всей округой разнёсся умопомрачительный запах варёной рыбы. Откуда-то прилетела чайка и стала выписывать над костром круги. Временами птица хрипло и сварливо вскрикивала, словно жаловалась на несправедливость судьбы.

Я вытащил из котла марлевый узелок с завёрнутой рыбой и положил на траву остудиться. Чайка кружила чуть ли не над самой головой, требовательно крича.

– погоди ты, – сказал я чайке. – Пусть остынет.

Бульон к этому времени стал мутным, белесоватым. Но так оно и должно быть.

Я посолил бульон, бросил в котёл мелко покрошенную картошку и разрезанную на половинки крупную луковицу. Добавил два листа лаврушки и несколько горошин чёрного

перца.

Никакой крупы! Рис или перловка, конечно делают еду сытнее, наваристее. Но они превращают уху в обыкновенный рыбный суп.

Когда картошка наполовину сварилась, опустил в бульон куски щуки. Плотное бледно-розовое мясо на глазах побелело. Я отодвинул котёл от огня, чтобы уха только чуть-чуть побулькивала, а не кипела ключом. Иначе нежное рыбье мясо отстанет от костей и развалится.

Чайка изнемогала, стремительно выписывая в воздухе круги.

Я развернул марлю, взял одну рыбёшку и высоко подбросил. Птица спикировала и на лету подхватила добычу, не давая ей упасть в воду. Жека с задорным лаем помчался вдоль берега вслед за птицей.

Через десять минут я подцепил палкой с сучком проволочную дужку котелка и совсем снял его с огня.

Открыл приготовленную заранее бутылку «Московской особой» и влил стопку водки в горячую уху. Бульон посветлел, рыбная муть и мякоть осела на дно. На поверхности заиграли круглые, едва заметные лепестки жира. Зачерпнув ложку бульона, я осторожно попробовал обжигающе-горячее варево.

У-м-м!

Сладковато-солонюватый наваристый бульон расплескался по небу, чуть обжёг кончик языка перечной остротой, об-

дал запахом лука и лаврового листа.

– Готово! – громко объявил я.

Ели тут же, на улице. Вместо стола положили несколько широких досок на спинки двух стульев, а сидели на принесённых от дровяного сарая чурбаках. Разложили на газете толсто нарезанные ломти ржаного круглого хлеба, солёные огурчики, домашнее сало. Горкой насыпали соль, а рядом, на тарелке – луковицу, нарезанную толстыми кольцами.

Уху неторопливо хлебали из котелка, по очереди зачёрпывая ложками.

Владимир Вениаминович разлил водку по стопкам.

– За удачную охоту! – сказал Георгий Петрович.

Мы чокнулись и выпили. Я обмакнул кольцо лука в соль, торопливо хрустнул и закусил кусочком хлеба ядрёную горечь. Затем проглотил ложку горячего бульона.

– Хорошо! – улыбнулся генерал.

Он сидел, вытянув больную ногу, и с удовольствием смотрел на неторопливо текущую речку. Вода в Песенке уже стала холодной и по-осеннему прозрачной. Торчащий возле берега тростник пожелтел, пожух. Растущие на берегу ивы то и дело роняли в воду узкие жёлто-коричневые листья. Течение подхватывало их, и они уплывали, словно детские кораблики.

В нашем неторопливом пиршестве было что-то древнее, магическое, неподвластное быстрому бегу времени. Так первобытные люди собирались вокруг костра и хлебали из гру-

бо вылепленного глиняного горшка горячую похлёбку.

Так ужинали наши предки и сто, и двести, и тысячу лет тому назад. И пока у нас есть время и возможность хоть изредка собираться у настоящего огня за общим столом – жизнь, несмотря на перемены, останется прежней, настоящей.

Ведь у стола собираешься только с теми, кому по-настоящему доверяешь. Неважно, какая опасность подкарауливает тебя за пределами освещённого костром пространства – саблезубый тигр, или житейские неурядицы. Когда ты не одинок, когда тебе есть, на кого положиться – ты запросто справишься, с чем угодно.

Вот только...

Если ты сам не до конца честен с близкими людьми – как ты можешь надеяться на них?

Я зачерпнул ещё ложку ухи. Неторопливо обсосал крупную щучью кость, положил её на край газеты.

– Георгий Петрович, – сказал я генералу. – Нам нужно поговорить. И... этот разговор будет долгим и серьёзным.

Владимир Вениаминович внимательно взглянул на меня.

– Мы договорились ни о чём вас не спрашивать. И договорённость остаётся в силе.

– Я знаю, – кивнул я. – Спасибо. Но бесконечно так продолжаться не может.

– Хорошо, Андрей Иванович.

Генерал повернулся к водителю.

– Рустам, мы останемся в Черёмуховке до завтра. А потом

Андрей Иванович отвезёт нас на автобус. Ты можешь ехать сегодня, а завтра у тебя выходной.

– Есть, товарищ генерал-лейтенант!

Рустам немедленно поднялся с места, но Георгий Петрович взмахом руки усадил его обратно.

– Сначала поешь спокойно, потом поедешь.

Он повернулся к нам.

– Давайте поедим, а потом поговорим за чаем.

Мы выпили ещё по стопке. Я сходил в дом, принёс чайник и поставил его на угли. В такой вечер неохота тесниться в душной кухне.

Не спеша, переговариваясь о чём-то незначительном, мы доели уху. Владимир Вениаминович сходил к речке и сполоснул котёл. Я смотрел, как он, присев на корточки, оттирает посудину песком. Психотерапевт был похож на большой серый валун, который неизвестно откуда взялся на берегу Песенки.

Для чая я наломал тонких веточек с куста смородины, который рос в дальнем углу огорода. Когда я бросил их в чайник – запахло детством, осенью и почему-то – солёными грибами.

А, вот почему!

Мама, когда солила грибы, всегда добавляла в них сушёный смородиновый лист.

Я подумал, что ещё могу успеть набрать грибов. Надо непременно это сделать и засушить их на зиму. Зимой нет

ничего вкуснее пряного грибного супа, или картошки с коричневой подливой из сушёных грибов. Ешь, и вспоминаешь лето.

Рустам, не говоря лишних слов, попрощался с нами, сверкнул напоследок белозубой улыбкой и сел в «уазик». Загарахтел мотор, машина бойко рванула с места. Лежавший у ног хозяина Жека поднял курчавую морду и заливисто тявкнул. Ему из вольера ответили Бойкий и Серко.

Я поднялся и разлил по кружкам крепкий чай, пахнущий дымом и смородиновым листом.

Георгий Петрович сделал глоток чая, блаженно зажмурился. А потом посмотрел на меня.

– Так о чём ты хочешь поговорить, Андрей Иванович?

Я помолчал, собираясь с мыслями.

– Скажите – вы пробовали как-то использовать те сведения, которые узнали от меня?

Теперь уже молчал Георгий Петрович, глядя мне в глаза и о чём-то раздумывая.

Мы с ним словно прощупывали друг друга, только генерал был куда опытнее меня.

Владимир Вениаминович молча наблюдал за нами обоими.

Даже фокстерьер Жека насторожился, переводя умный любопытный взгляд с меня на Георгия Петровича.

– Ладно, скажу честно, Андрей Иваныч, – ответил генерал. – Я попытался кое-кого прощупать. Даже не прощупать,

просто приглядеться.

– И к каким выводам вы пришли?

Георгий Петрович сухо усмехнулся.

– Всё уже идёт под откос. И я не вижу возможностей глобально изменить ситуацию.

Он наклонился, вытянув вперёд больную ногу, подобрал ветку и пошевелил ею догорающие угли. Угли вспыхнули оранжевым пламенем, затрещали и выбросили небольшой сноп искр.

Я перевёл взгляд на психотерапевта.

– Владимир Вениаминович, вы согласны с Георгием Петровичем?

Тот незамедлительно кивнул.

– Да, – пророкотал он.

И сейчас же спросил:

– А вы можете что-то предложить, Андрей Иванович?

Глава 2

– Ну, что ты думаешь о предложении Андрея, Володя?

Генерал нетерпеливо наклонился к собеседнику.

За пыльным окном купе отъезжал назад выкрашенный жёлтой краской вокзал, немного похожий на готический собор.

По дороге из Черёмуховки в Волхов они почти не говорили. Да и вчера вечером тоже. Слушали Андрея, опасаясь перебить его и сбить с настроения. И Георгий Петрович и Беглов достаточно прожили на белом свете. И прекрасно знали, когда надо высказывать своё мнение, а когда лучше его попридержать.

А Андрей говорил. Неумело, сбиваясь, путаясь в мыслях и воспоминаниях, он рассказывал им о том, что случится с их страной в следующие сорок пять лет.

Огромный срок!

Но и предстоящие перемены огромны, даже невообразимы!

Кто в своём уме мог сейчас представить, под какой откос покатится сильная и великая страна?

Сердце Георгия Петровича жгла невообразимая горечь. Горечь неминуемого поражения в заранее проигранной войне. Но генерал-лейтенант умел отбрасывать в сторону эмоции. Взглянув холодным взглядом на предложение Синицы-

на, он был вынужден признать, что Андрей рассудил верно.

«Как ему это удаётся?» – подумал Георгий Петрович. – «Ведь совсем молодой парень ещё. Сколько ему? Двадцать пять? Двадцать четыре?»

И тут же одёрнул себя.

«В прошлой жизни ему было шестьдесят два. Побольше, чем тебе сейчас. И он наяву пережил всё то, о чём ты только слышал».

На вокзале генерал решительно двинулся в сторону касс дальнего следования. В скором поезде, который шёл из Котласа в Ленинград, нашлось свободное купе. Предъявив документы, Георгий Петрович забронировал все четыре места. Теперь у них с Володей были два часа, чтобы поговорить спокойно и откровенно.

– Так что ты думаешь? – повторил генерал, глядя на проплывающие мимо деревянные бараки Ленинградского тупика.

Прежде, чем ответить, Беглов повернул ручку на двери и запер купе изнутри.

– Я думаю, что Андрей нашёл наилучший возможный выход, – не колеблясь, сказал он.

– А не слишком он рассудителен? Понял, что в одиночку использовать свои знания не сможет, и предложил нам скооперироваться...

Владимир Вениаминович улыбнулся.

– Дело не в рассудительности, Жора. Просто Андрей –

хороший человек, который не может спастись сам, бросив в беде близких. Надвигающиеся перемены он воспринимает именно как катастрофу. И хочет защитить тех, кто ему так или иначе дорог. А мы с тобой попали в это число.

Владимир Вениаминович хлопнул ладонью по сиденью. Соскучившийся Жека воспринял хлопок, как сигнал. Он тут же запрыгнул к хозяину и попытался дотянуться мокрым языком до хозяйского носа.

– Пошёл прочь! – грозно пробасил Владимир Вениаминович, отпихивая пса.

Жека обиженно твякнул и соскочил на пол.

Георгий Петрович рассеянно потянул из кармана пачку папирос. Вынул папиросу, сунул её в рот. Похлопал себя по карманам в поисках спичек. Потом опомнился, взглянул на друга и вынул папиросу изо рта.

– Да кури уже! – махнул рукой Владимир Вениаминович. – Окно откроем, проветрим.

В подтверждение своих слов он поднялся на ноги и дёрнул вверх створку длинной форточки, вдавив кнопки на ручках. В купе ворвался холодный октябрьский ветер. Ритмичный стук колёс стал громче, и даже покачивание вагона ощутилось отчётливо.

Привычным движением пальцев Георгий Петрович смял мундштук папиросы и закурил. В горле запершило – слишком много папирос он выкурил за последние сутки. Но дым успокоил, позволил соображать яснее.

– Да, Володя, ты был прав, когда сказал, что нам нужно только подождать, – кивнул генерал. – В который раз поражаюсь твоему умению читать людей.

– Это наука, – дёрнул плечом Владимир Вениаминович. – Точно такая же, как и все другие науки.

– Так что мы будем делать? – спросил Георгий Петрович.

– Помогать, – ответил психотерапевт. – По мере сил помогать Андрею и ждать. Собирать информацию. Играть не вслепую, а с полным пониманием ситуации.

В дверь купе властно постучали.

Владимир Вениаминович мгновенно обернулся на стук. Лицо его стало жёстким, настороженным.

Стук повторился.

Помедлив секунду, Беглов повернул ручку защёлки.

В коридоре стоял проводник.

– Что же вы делаете, товарищи? – укоризненно сказал он. – В купе курить не положено! Дым на весь вагон! Немедленно прекратите это, или...

Жека повернул голову и звонко тявкнул на проводника. Проводник запнулся, набирая в грудь воздуха.

Но тут Владимир Вениаминович достал из кармана красную книжечку удостоверения и махнул ею перед собой.

Лицо проводника побледнело, глаза расширились и дёрнулись в сторону, словно две пойманные мыши.

– Товарищ... э-э-э... товарищ... – забормотал он.

– Принесите, пожалуйста, чаю, – мягко сказал ему Влади-

мир Вениаминович. – Только с сахаром. И пепельницу.

– Сейчас! – облегчённо выдохнул проводник, повернулся и исчез.

Через минуту он появился снова, держа в правой руке два гранёных стакана в алюминиевых подстаканниках. В стаканах плескался горячий чай.

Спросив взглядом разрешения, проводник вошёл в купе и поставил стаканы на стол. Достал из кармана металлическую пепельницу и поставил рядом.

– Что-нибудь ещё? – неживым голосом спросил он у Владимира Вениаминовича.

– Нет, спасибо, – строго нахмурил брови Беглов. – Очень вас прошу – не тревожьте нас до самого Ленинграда.

– Хорошо, конечно!

Проводник повернулся и вышел.

Владимир Вениаминович запер за ним дверь.

– Вот так вот, Жора, – криво улыбнулся он. – Боится нас народ. Боится и не любит. А знаешь, почему? Просто у этого засранца в служебном купе припрятано несколько бутылок водки, которые он продаёт пассажирам по тройной цене. Вот тебе и бизнес, о котором говорил Андрей Иваныч. Первые росточки, так сказать!

Он сел на своё место и посмотрел в окно.

– Кое-что нам нельзя делать категорически, Жора!

Генерал вопросительно поглядел на него.

– Светиться самим.

Владимир Вениаминович загнул толстый большой палец.
– Светить Андрея. Кому бы то ни было. И третье – давить на него.

Георгий Петрович согласно кивнул.

– Б...! – неожиданно выругался он. – В собственной стране придётся в Штирлица играть!

Генерал смял окурочок папиросы. Хотел с досадой выбросить его в окно, но передумал и опустил в пепельницу.

– Посмотри на это с другой стороны, – улыбнулся Владимир Вениаминович. – Нам выпал уникальный шанс – знать будущее и иметь возможность подготовиться к нему. Андрей всё решил правильно. Если нельзя спасти страну – можно помочь хотя бы какому-то количеству людей. Собрать их вместе, объединить общими интересами. А потом – и общими задачами.

– Какая-то первобытная коммуна получается, – криво улыбнувшись, пошутил Георгий Петрович.

– Интересное сравнение, – кивнул Беглов. – Именно коммуна. Ну, так ведь и мы с тобой – коммунисты.

Владимир Вениаминович запрокинул назад крупную голову и гулко расхохотался.

А скорый поезд, мягко покачиваясь на стыках рельсов, всё ближе подъезжал к Ленинграду.

Бледный проводник в запертом на ключ служебном купе прятал на дно сумки с бельём бутылки «Московской» и пачки болгарских сигарет.

***

Я посмотрел вслед уходящему поезду. Железные круги буферов на заднем вагоне напомнили мне круглые любопытные глаза, а автосцепка между ними – угрожающе сжатый кулак.

Всё, обратного пути нет. Я рискнул довериться генералу и Владимиру Вениаминовичу, и теперь целиком завишу от них.

Утешает, что в случае провала их тоже не оставят на свободе. Мы окажемся в соседних лабораториях в качестве подопытных мышей. Слишком опасно наше знание.

Несмотря на эти мысли, я испытывал гигантское облегчение. Теперь не надо тащить этот груз одному и мучиться от невозможности что-то сделать. Со связями Георгия Петровича и Беглова всё становится намного проще.

Но Беглов! Вот жук!

– Вы согласитесь на новые сеансы гипноза Андрей Иванович? – как бы между делом спросил он. – Не подумайте, что я хочу нарушить своё слово. Но эти сеансы могут дать нам подробности, о которых вы забыли. А что, если они окажутся важными?

И когда я наотрез отказался, он сразу же отступил.

– Хорошо, конечно! И с той информацией, которая есть, мы можем горы свернуть!

Мы договорились всё хорошенько обдумать и встретиться-

ся через неделю в Черёмуховке – обсудить конкретный план действий.

В животе заурчало. Надо бы пообедать.

Я взглянул на часы на высокой вокзальной башне – без четверти три.

А поеду-ка я домой, к родителям! Отец и мама ещё на работе, но сестрёнка наверняка уже вернулась из школы. Да и Серёжка вот-вот придёт.

Я завёл машину и поехал в сторону дома.

– Андрей! Привет, братик!

Не успел я вылезти из-за руля, как сестрёнка бросилась мне на шею, болтая ногами.

– Я соскучилась! Прокатишь на машине? Серёжку катал, а меня – ни разу!

Олька обидчиво надула губы, а сама смотрела хитро, с прищуром.

– Давай, прокачу!

Я чмокнул сестру в нос и осторожно расцепил её руки, которые стиснули мою шею.

– Садись, поехали.

– Ух ты!

Олька мигом взобралась на переднее сиденье, с любопытством оглядела машину изнутри. Сморщила нос:

– Фу! Псиной воняет!

Я рассмеялся.

– Так это же охотничья машина! Извини, духами побрызгать забыл.

Я медленно тронул машину в сторону реки.

Олька искоса поглядывала на меня.

– А Серёжка девочку привёл! – громким шёпотом сообщила она.

От неожиданности я инстинктивно нажал на тормоз, и машина дёрнулась.

– Какую девочку?!

– Не знаю!

Сестра округлила глаза.

– Красивая такая. Серьёзная.

– Когда привёл? – спросил я.

– Утром. Мама с папой уже ушли, а я в школу собиралась. А Серёжка куда-то ушёл и вернулся с девочкой. Сказал, что она посидит у нас. Ой, смотри! Корабль!

По реке, в направлении шлюза медленно поднимался лесовоз. Смешная конструкция – вся палуба забита плотно увязанными штабелями брёвен, а на самой корме возвышается высокая надстройка. Наверное, не очень удобно смотреть вперёд через длинную палубу, да ещё и заваленную грузом.

Под широким тупым носом лесовоза поднимались невысокие буруны пены.

– Что за девочка? – спросил я Ольку, поворачивая налево, в сторону Ильинского сада.

– Я же сказала – красивая. Её Таней зовут.

Ну, Серёжка! Ну, обалдуй! Что он затеял? Ничего, сейчас вернёмся домой, я с ним разберусь!

– А ты меня на карусели сводишь? – спросила Олька.

– Непременно, – пообещал я. – В субботу.

– А мороженое купишь? – обрадовалась сестра.

– Конечно! Какие карусели без мороженого? А сейчас поехали домой – разберёмся с твоим братцем!

– Почему " с моим«? Он и твой брат тоже!

– Вот с нашим братцем и разберёмся.

Мы проехали по Расстанной улице мимо серого кирпичного здания школы-интерната, мимо деревянных домов частной застройки и вздымавшейся над ними телевизионной вышки. Я вспомнил, как однажды мы с ребятами залезли на эту вышку. Дома со стометровой высоты казались плоскими, словно были нарисованы на земле. А люди напоминали муравьёв.

Когда пришло время слезать вниз, я чуть не остался на вышке насовсем. Мощная ажурная металлическая конструкция совершенно не замечалась вблизи, и казалось, что хлипкая лестница висит в пустоте. Руки вцепились в ступеньки так, что побелели пальцы, и я с огромным трудом заставлял себя сделать каждый шаг.

Но какое же невыразимое чувство облегчения охватило меня, когда я снова очутился на земле!

На перекрёстке возле Дома Культуры железнодорожников

я свернул на улицу Вали Голубевой. На этой тихой зелёной улочке находился магазин «Молоко», в который меня с самого детства отправляли... ну, понятно, за чем. За молоком, конечно!

У нас был высокий трёхлитровый бидон – жёлтый с красными маками на круглых боках. На проволочной ручке – деревянный крутящийся набалдашник, чтобы не резало пальцы.

Этим бидоном было очень удобно размахивать – конечно, когда он пустой. Только надо было снимать с него крышку, чтобы не улетела. Но потом я приспособился прижимать крышку резинками от маминых бигуди.

А вот обратно домой с полным бидоном приходилось идти осторожно, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться, и не разлить молоко.

Деньги на молоко всегда лежали в бидоне – по причине отсутствия карманов в детской одежде. И нет, я ни разу не забыл их вынуть. Или один раз, всё-таки, было?

Продащицу в магазине тоже звали Валя – как ту девушку-разведчицу, в честь которой была названа улица.

Тётя Валя была полной женщиной с добрым лицом. Всегда в белом халате и белом поварском колпаке, она наливала мне в бидон молоко литровым алюминиевым черпаком на длинной ручке.

Иногда мама, кроме молока, просила купить сметану. Тогда мне давали авоську, в которой лежала пол-литровая бан-

ка с полиэтиленовой крышкой, и денег побольше.

Я всегда пересчитывал сдачу, а тётя Валя умилялась:

– Ты и считать умеешь?

– Конечно, – с гордостью отвечал я. – Мне же шесть лет!

Сейчас за молоком наверняка ходит Олька.

– Олька, – спросил я, – ходишь за молоком?

– Конечно, – ответила сестра. – Вчера ходила. Хочешь?

Там ещё осталось – папа не всё выпил.

Но вчерашнее молоко я тоже не любил с детства. За ночь на его поверхности скапливался желтоватый налёт сливок и потом комочками плавал в кружке.

Фу, брр!

Рядом с магазином, в соседнем здании находился городской комитет комсомола. В девяностые годы в помещении горкома откроют первый в городе видеосалон. В нём будут крутить «Коммандо» со Шварценеггером, «Зловещих мертвецов», в которых по полу бегает отрубленная рука, и бесчисленные боевики с Брюсом Ли в гнусавом малопонятном переводе.

Проезжая мимо красной таблички, я мимоходом подумал, что это не случайность – видеосалон с сомнительными фильмами в комсомольском комитете. Может, его и открыли те самые вчерашние комсомольские вожаки?

Возле пожарной части мы повернули к себе во двор. Я остановил машину прямо напротив подъезда. Надо же – никаких проблем с парковкой! А через пятнадцать-двадцать

лет этот тихий зелёный двор в несколько рядов займут подержанные ржавые иномарки и «Жигули».

– Оля, ты обедала? – спросил я сестру.

– Нет, – Оля беспечно мотнула косичками. – Я не хочу.

– Так нельзя, – строго сказал я. – Испортишь желудок.

– Там, наверное, эта... Таня!

– Ну, и что? Пойдём, познакомимся. Она ведь человек, а не баба Яга.

Мы поднялись по лестнице, и я дважды позвонил в звонок.

За дверью слышались торопливые шаги и шёпот.

– Прячутся! – уверенно сказала Олька. – У меня ключ есть.

Она выудила из-под куртки плоский ключ на верёвочке.

– Давай откроем дверь и поймаем их!

– погоди! – ответил я. – Давай лучше сделаем вид, что ничего не знаем. Пусть Серёжка сам проколется!

– Точно! – просияла сестра. – Только Серёжка поймёт, что я тебе всё рассказала.

– А ты спокойно иди в свою комнату и делай уроки. Наверняка Серёжка спрячет Таню в комнате родителей.

– Хорошо, – кивнула Олька.

Я ещё раз нажал кнопку звонка.

– Кто там? – тихо спросил из-за двери Серёжкин голос.

– Серёга, это я! Открывай!

– Андрюха? Сейчас!

Замок щёлкнул, и Серёжка выглянул из-за двери. Тревога на его лице мешалась с облегчением.

– А я думал, это мама пришла, – сказал он. – А ты что тут делаешь?

– Подвозил охотников на поезд и решил у вас пообедать. Накормишь?

– Да у нас еды нет. Мы же не ожидали, что ты приедешь. Я вот только последнюю котлету доел.

Тут Серёжка увидел, что в дверь из-за моей спины проскочила Олька, и в страхе уставился на неё.

Все эмоции так явно читались на лице брата, что я чуть не расхохотался.

Олька, не обращая никакого внимания на Серёжку, прошла в свою комнату и закрыла дверь. Я услышал, как грохнул о стол её ранец.

Серёжка перевёл взгляд на меня.

– Ничего, – ободряюще улыбнулся я. – Ты – растущий организм, тебе надо хорошо питаться. А я пожарю яичницу.

С этими словами я разулся и пошёл на кухню. Серёжка хвостиком шёл за мной.

Дверь в спальню родителей была плотно заперта. Я прислушался – оттуда не доносилось ни звука.

– Отец с мамой на работе? – как бы между прочим спросил я у брата.

– Ага, – кивнул он.

Я зажёл газ, поставил на него сковороду и полез в холо-

дильник.

– Ого! Целых семь яиц! Ну, парочку-то я точно съем! Серёжка, ты хочешь яичницы?

– Я? Нет!

Серёжка растерянно крутил головой.

– Иди, спроси сестру. Она, наверное, голодная.

– Да их в школе обедом кормят! – возразил Серёжка. – Андрюха, а ты надолго?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Хотел заскочить на минутку, перекусить и ехать к себе. А теперь вот думаю маму дожидаться. Она когда придёт? Через час?

На лице Серёжки промелькнуло выражение ужаса.

– Да мама сегодня поздно придёт! Она говорила, что у них там какое-то собрание.

– Понятно, – ответил я, разбивая яйца на сковороду. – Жаль. А ты чего стоишь? Садись.

Яйца зашипели в раскалённом масле.

Серёжка закрутил головой.

– А Оля тебе... Андрюха, я сейчас! И правда, спрошу Ольку – вдруг она голодная!

Он быстро выскочил из кухни.

Я подождал, пока яйца схватятся, посолил их и быстро перевернул деревянной лопаткой. Потом выключил газ. На горячей сковороде яичница дойдёт и так.

Осторожно ступая в носках по половицам, подкрался к

двери Олькиной комнаты. Оттуда доносились голоса.

– Конечно, скажу! – звонко произнесла Олька. – А ты как думал?

– Да тише ты! – шипел Серёжка. – Она попозже уедет. Не говори! Я тебе свой пенал отдам!

– И фломастеры! – дерзко заявила маленькая вымогательница.

– Ишь, чего захотела! – возмутился Серёжка.

– И отдашь! Или прямо сейчас всё расскажу!

– Ладно, ладно! Только ты молчи! Как Андрюха уедет – я сразу её выпущу, и она уйдёт!

Я осторожно вернулся на кухню. Переложил яичницу в тарелку и отрезал кусок хлеба от буханки, которая лежала в деревянной хлебнице.

Через минуту вернулся огорчённый Серёжка.

– Олька есть не хочет, – сказал он. – Села уроки делать.

– А ты сделал? – спросил я.

– Давно уже! – отозвался Серёжка.

– Молодец! – похвалил я брата, и взялся за вилку. – Ты в институт-то поступать не передумал?

– А почему я должен был передумать? – огрызнулся Серёжка.

– Ну, мало ли... – миролюбиво протянул я. – Вдруг друзья отговорили. Или с какой-нибудь девочкой познакомился, и тебе теперь не до учёбы.

– Да иди ты! – вспыхнул брат, но тут же взял себя в руки.

– А с ребятами из экспедиции созваниваешься? – снова спросил я.

– С какими ребятами? – деланно удивился Серёжка.

– Ну, вот хоть с Таней.

– С Таней?

Брат сделал вид, что задумался.

– А, вспомнил! Нет, не созванивался.

– Что так? Ты же всего две недели тому назад её на вокзале провожал. Поссорились, что ли?

Серёжка беспомощно смотрел на меня. Да и мне надоело играть с ним в кошки-мышки. Я вздохнул, отодвинул тарелку и взглянул на часы.

– Серый, помнишь, я тебе говорил, что ты можешь на меня положиться?

– Ну!

Брат исподлобья смотрел на меня.

– Мама придёт через час. Позови, пожалуйста, Таню, и вместе обсудим – что у вас случилось.

Серёжка прикусил губу.

– Давай, Серый!

Дверь спальни родителей тихонько скрипнула. На пороге стояла Таня.

Она была одета в коричневое школьное платье и чёрный фартук. На груди крошечным алым пятнышком горел комсомольский значок.

– Здравствуйте! – тихо сказала Таня.

Глава 3

– Да нельзя ей домой! – отчаянно выкрикнул Серёжка. –

Ты же ничего не понимаешь!

Я посмотрел на брата.

– Так объясните. Что вы собирались делать? Через пятьдесят минут вернётся мама – что ты собираешься ей сказать?

– Я, наверное, поеду, – вздохнула Таня.

Её руки нервно теребили подол передника.

– Я... просто не хотела идти в школу сегодня. Мне надо было подумать. Села в электричку и поехала к Серёже.

Таня встала с табуретки.

– Там моя куртка...

Чёрт! Детский сад какой-то.

– Таня, сядь, пожалуйста, – очень мягко сказал я.

Таня снова опустилась на табурет.

– Ребята, любую проблему можно решить. Но сначала надо её понять. А как понять, если вы молчите?

Я видел, что мои слова не убедили их. Глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, и продолжил:

– У меня есть знакомые. Очень хорошие знакомые, которые смогут помочь. Но надо же сначала разобраться, верно?

Серёжка беспомощно смотрел на Таню. Ох, знаю я этот взгляд! Братишка влюбился по уши, и даже скрыть это не может.

Таня сидела, низко опустив голову. Уши её чуть покраснели.

– Моя мама... – с трудом сказала она. – Ну, в общем, она выпивает. И ещё...

– Приводит домой мужчин, – закончил я за Таню.

Она вскинула голову.

– Откуда вы знаете?

– Таня, если я ошибся, то прошу меня простить. Но...

– Вы не ошиблись, – еле слышно прошептала Таня.

– Понятно.

Я почесал переносицу.

И в самом деле, всё было понятно. Мать у девочки пьёт давно. Но если Таня убежала из дома – значит, случилось что-то ещё.

Я догадывался, что именно. Но какой смысл расспрашивать об этом девочку? И без того ясно, что ей нельзя возвращаться домой одной.

– Другие родственники у тебя есть? Такие, у которых можно пожить какое-то время?

– Бабушка, – кивнула Таня. – Но она уже старенькая. Если я к ней пойду – её мама будет ругать.

Голос Тани задрожал.

– А подруги? – торопливо спросил я. – Ты можешь у кого-нибудь переночевать?

– Да. У меня есть подруга, Ира. Мы вместе учимся. Иногда я у неё ночую, но...

– Но переехать к Ире насовсем ты не можешь.

Таня опустила голову ещё ниже.

– У Иры очень хорошие родители. Но у них двухкомнатная квартира, и ещё младшие брат и сестра.

Знакомая ситуация. Вот с чем в СССР до сих пор трудно – так это с жильём.

– Понятно, – снова сказал я. – Поэтому летом ты записалась в археологическую экспедицию.

– Не поэтому! – снова выкрикнул Серёжка. – Таня любит историю! И учится очень хорошо!

– Это правда? – поинтересовался я.

– Да, – кивнула Таня. – У меня одни пятёрки. Я уроки на продлёнке делаю с первого класса – всё равно там больше заниматься нечем.

– Одни пятёрки – это очень хорошо. Но сегодня ты школу прогуляла, так? Что завтра скажешь учителям?

– Я написала записку, как будто от мамы. Что заболела. И попросила Иру отнести её Валентине Михайловне.

– Валентина Михайловна – это ваш учитель?

– Классная руководительница.

– А что она преподаёт?

Я спросил это просто так, чтобы Таня хоть немного расслабилась.

– Русский язык и литературу.

– Так. Сегодня ты ночевала у Иры?

Таня молча кивнула.

– А телефон у твоей подружки есть?

– Есть у её соседки, бабы Веры.

– Ты можешь ей позвонить? Чтобы Ира и её родители не волновались?

– Да.

Таня опять хотела встать с табуретки, но я остановил её.

– Подожди.

И повернулся к Серёжке.

– Серёга, поставь-ка чайник! Попьём спокойно чаю и подумаем – как быть.

Серёжка молча поднялся, налил в чайник воды и поставил на плиту.

– Думаю, сегодня ты вполне можешь переночевать здесь, – наконец, сказал я. – Только предупреди Иру. А я поговорю с родителями. Серёжка, у вас к чаю что-нибудь есть?

Брат заглянул в полку, которая висела над холодильником.

– Печенье. Вот!

Он поставил на стол вазочку с изрядно подсохшим сухим печеньем.

– Не годится.

Я нашарил в кармане три рубля и протянул брату.

– Держи! Сгоняй в магазин, купи пряников. Возьми полкило колбасы, если будет. Хлеб с булкой. И картошки. А, погоди!

Я протянул ему ещё рубль.

– Десяток яиц.

Хлопнула, закрывшись за Серёжкой, входная дверь.

– Спасибо! – сказала Таня.

Я улыбнулся.

– Да не за что. Олька! Иди сюда!

Сестрёнка немедленно оказалась в кухне. Понятное дело – подслушивала в коридоре. На Таню она даже не взглянула, всем видом изображая равнодушие.

– Олька, ты фломастеры у Серёжки уже выпросила?

– Да больно надо! – фыркнула сестрёнка. – Они у него старые, засохшие уже!

– А новые хочешь? Тогда приюти хорошего человека на ночь в своей комнате, ладно? С папой и мамой я договорюсь.

Олька задумалась.

– Не надо фломастеров. Я и так приютю... приучу... Тьфу! А ты точно договоришься? Не влетит?

– Не влетит, – улыбнулся я. – Идите, пообщайтесь. А я маму с работы встречу.

Я вышел на улицу. Зябкий октябрьский ветер пробирал до костей. А Таня ещё собиралась на электричку! Мужественная девчонка!

В общих чертах в моей голове уже созрел план действий. Но не хватало кое-какой информации.

Темнело. Черета дворов возле трёхэтажек освещалась только лампочками, которые горели над каждым подъездом.

Сейчас их никто не разбивал и не выкручивал, чтобы унести домой. Золотое время!

В конце улицы показалась невысокая женская фигура. Я сразу узнал её, и сердце защемило.

Это шла с работы мама.

В детстве я иногда поджидал её вот так, возле подъезда. Всегда замечал издали и бежал навстречу, чтобы помочь поднести сумку.

Почему не встречал возле работы? Да чёрт его знает. Наверное, потому, что забывал, забегавшись с пацанами.

Я быстрым шагом пошёл навстречу маме.

– Привет, мам! Давай сумку!

– Андрюша! Ты как здесь?

– Приехал по делам, и вот.

Мама радостно улыбнулась. Она всегда умела радоваться каждой мелочи – солнечному дню, встречному человеку, хорошей книжке.

Даже цветы у неё на окнах никогда не вяли – зеленели и цвели даже зимой, в морозы. Несколько раз я видел, как подруги приносили ей полуувядших задохликов в горшках. Но стоило им постоять у нас дома – и они на глазах крепили, пускали новые листья, а потом и бутоны.

– Слушай, мам! – внезапно сказал я. – А не хочешь в выходные приехать ко мне? Сходим за грибами вместе!

– Почему нет? – улыбнулась мама. – Только в субботу, ладно? Я и отца захвачу.

– Договорились. Слушай, тут такое дело... только вы Серёжку не ругайте, ладно? Я уже с ним поговорил. Не мог он по-другому поступить.

Внимательно поглядывая на мамино лицо, я рассказал ей про Таню.

– Пусть она сегодня у вас переночует, ладно? С Олькой я договорился. А завтра я постараюсь всё уладить.

– Как? – нахмурилась мама.

– Есть один план, – улыбнулся я. – Только мне придётся сегодня уехать. А вот и Серёжка!

– Серёжка? – удивилась мама. – Откуда?

– Я попросил его в магазин сбегать за продуктами.

Мама только покачала головой.

– И что вы там накупили? Совсем взрослые стали, сами хозяйничаете.

– А то! – гордо ответил я.

– Ты наверх-то поднимешься? – спросила мама.

– Поднимусь. Мне ещё позвонить надо.

– В квартире я снял трубку и набрал номер черёмуховского сельсовета.

– Фёдор Игнатьевич! Добрый вечер! Это Сеницын. Фёдор Игнатьевич, очень важное дело! Вы можете найти Павла и Алексея Дмитриевича? Да, Воронцова! Я приеду через...

Я взглянул на наручные часы.

– Да, через два часа. Мне очень надо с ними встретиться. Можно в сельсовете, или у меня дома. Спасибо, Фёдор Иг-

натьевич!

Я положил трубку. На кухне уже лилась из крана вода – мама мыла картошку, которую принёс Серёжка.

– Андрюша! – окликнула она меня. – Ты поужинать-то успеешь? Картошка быстро сварится, а колбасу я поджарю. Серёжка «Любительской» взял, с жиром – на бутерброды вы такую всё равно не едите.

– Какая была – такую и взял! – возмущённо фыркнул Серёжка.

В дверь позвонили.

– Андрюша, открой – это отец! – сказала мама.

Я повернул ребристое колёсико замка.

– Привет, батя! А у нас гости. Точнее, гостья. Ты уж не пугай её, пожалуйста!

Отец, ничего не понимая, смотрел на меня.

– Да проходи, сам всё поймёшь!

Стол мы перенесли в комнату к дивану, чтобы все могли поместиться. Пока расставляли табуретки, я успел шепнуть Тане:

– Ничего не бойся и не стесняйся. А завтра утром поезжай прямо в школу. Всё будет хорошо. Поняла?

– Поняла, – серьёзно кивнула Таня.

И я подумал, что у неё не было детства. Или детство кончилось так давно, что девочка успела его забыть.

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать. Позавчера исполнилось.
Вот тебе и раз!

***

Через час я выехал из города. На автозаправке возле Лисичек предъявил талон, который получил у Тимофеева, и залил в бак двадцать литров бензина.

Бензина тратилось много – охотобщество не могло снабжать меня в полном объёме. Выручил, как всегда, Георгий Петрович – он договорился с командиром соседней воинской части. Той самой, откуда приезжали солдаты строить охотничьи домики на озере.

Заправив машину, я неторопливо покатился по пустой дороге в сторону Киселёво. Наконец-то у меня было время обдумать всё, что произошло за день.

Если коротко – я предложил Георгию Петровичу сотрудничество. В одиночку, даже зная грядущие события, я мало, что мог. А вот вместе...

Вместе мы могли хоть как-то обезопасить наши семьи и близких от неминуемо грядущего краха. У генерала и Владимира Вениаминовича было куда больше возможностей, чем у меня. Да и головы у них соображали хорошо. Ведь не зря же они дослужились до своих постов.

А если так – то отчего бы не противостоять трудностям вместе?

Эта мысль пришла мне в голову не вчера. Я обдумывал её

ещё с самого первого знакомства с Георгием Петровичем. Но тот инцидент с гипнозом чуть не заставил меня передумать.

Смешно! Я сам был почти готов рассказать всё. А когда сведения вытянули из меня против воли, случайно – разлился и испугался. Всё-таки, человек – натура противоречивая.

Но, наблюдая за генералом, я убедился, что своё слово он держит. Ни Георгий Петрович, ни Владимир Вениаминович не пытались больше вызнать у меня хоть что-то о будущем. И когда я немного остыл – это стало последним решающим аргументом в их пользу.

Интересно, подумал я. А вдруг всё это – ловкий ход психотерапевта? Вероятно, именно он убедил Георгия Петровича, что давить на меня бесполезно. Возможно, Владимир Вениаминович понимал, что рано или поздно я буду вынужден открыться. И терпеливо дождался момента.

Ну, и пусть! Всё равно теперь я чувствовал себя увереннее. Теперь у меня было больше возможностей.

Я проехал засыпающее Киселёво и свернул на песчаную дорогу, которая вела в Черёмуховку. Ещё оставалось время, чтобы в деталях обдумать план на завтра.

– Рискованно!

Павел взъерошил светлые волосы. Он непринуждённо сидел на краю стола Фёдора Игнатьевича. Алексей Дмитриевич Воронцов устроился на стуле для посетителей, а сам предсе-

датель сидел за столом и неодобрительно косился на Павла. Точнее, на ту его часть, которую видел лучше всего.

– Паша! Ты мне стол сломаешь! Взгромоздился, как ворон на ветку! Ну-ка, давай – слезай!

Участковый встал со стола, сделал два шага к двери и обратно и снова повторил:

– Рискованно!

– Хорошо бы поговорить с директором школы, в которой учится девочка, – рассудительно заметил Алексей Дмитриевич. – Там десятилетка?

– В том-то и дело, что нет, – ответил я. – Восьмилетка. На следующий год надо либо поступать в училище, либо переводиться в другую школу.

– Ага!

Алексей Дмитриевич нахмурил лоб.

– Теоретически, можно предложить девочке перевестись к нам. Но как она будет добираться?

– Об этом рано говорить, Алексей Дмитриевич, – ответил я. – Девочку надо выручать уже сейчас. Иначе мать не даст ей спокойной жизни.

– Я не против, Андрей Иванович! – улыбнулся Воронцов. – Хотя, план у вас, прямо скажу, авантюрный. С классной руководительницей разговаривать будем?

– Попробуем, – ответил я. – Вроде бы Таня отзывается о ней доброжелательно.

– Хорошо бы пригласить её с нами. Как представителя

школы.

– Паша, а ты с мгинской милицией можешь договориться? Я с надеждой посмотрел на участкового.

– Вряд ли, – с досадой ответил Павел. – Это уже не наш район, у них там своё начальство. Простого участкового никто и слушать не станет. А капитана я дёргать не хочу – он ещё после тех торговцев оружием в себя не пришёл.

Павел снова взъерошил волосы.

– Была – не была! Поедем сами, а там – как-нибудь выкрутимся! Во сколько старт?

– Мать Тани приходит с работы около шести часов вечера, – ответил я. – Вот к этому времени нам и надо успеть. Но поедем раньше, чтобы успеть переговорить с классной руководительницей Тани.

– Договорились!

– Алексей Дмитриевич, а вы сможете оставить школу? – спросил я Воронцова.

– А куда деваться? – с улыбкой ответил он. – Мы же к вечеру вернёмся?

– Обязательно, – пообещал я.

– Ну, вот и отлично!

***

Мга оказалась обычным рабочим посёлком. Несколько двух- и трёхэтажных домов возле станции, а в остальном – деревянная частная застройка. Плутая по улочкам, кото-

рые были неотличимы друг от друга, мы, наконец, выехали к школе.

– Кажется, здесь!

Я остановил машину. И сразу же увидел Таню.

Девочка стояла на крыльце школы вместе со светловолосой женщиной лет сорока. Женщина была одета в светлый болоньевый плащ.

– Валентина Михайловна, это Андрей, – сказала Таня.

Валентина Михайловна строго посмотрела на нас. Она чуть задержала взгляд на погонах Павла, потом переключилась на Алексея Дмитриевича. Брови учительницы чуть приподнялись.

– Здравствуйте! – официальным тоном сказала она.

– Здравствуйте, Валентина Михайловна! – улыбнулся ей Воронцов и чуть приподнял шляпу. – Я ваш коллега. Руковожу школой в Черёмуховке.

– Очень приятно, – вежливо ответила Валентина Михайловна. – Так что у вас за план?

Я посмотрел на Алексея Дмитриевича. Коллега с коллегой всегда договорятся быстрее. Воронцов поймал мой взгляд, кивнул и принялся объяснять Валентине Михайловне нашу задумку.

– Мне кажется, это авантюра чистой воды, – сказала учительница, выслушав Воронцова, и нахмурилась.

Вот вам и двойка по риторике, Алексей Дмитриевич, – невольно подумал я.

– Но я полностью согласна, – неожиданно добавила Валентина Михайловна, – что-то делать необходимо. Таня – очень способная девушка, а атмосфера в семье её просто губит.

– Так вы пойдёте с нами? – обрадовался я.

– А вы как думали, молодой человек?

Валентина Михайловна вздёрнула подбородок.

– Таня, где ты живёшь?

Жила Таня в двухэтажном кирпичном доме недалеко от школы. Когда-то дом был выкрашен в жёлтый цвет, но краска уже местами облупилась, и из-под неё выглядывала серая штукатурка, а кое-где – и кирпичи.

Мы вошли в первый подъезд и поднялись по скрипучей деревянной лестнице. Павел шёл впереди, я сразу за ним. За мной шла Таня, а замыкали нашу процессию Алексей Дмитриевич и Валентина Михайловна.

– Алексей Дмитриевич! – напомнил я. – Приготовьте папку!

По нашему замыслу Воронцов должен был изображать чиновника из органов опеки.

В квартире слышался визгливый женский смех. Ему вторил низкий неразборчивый мужской голос.

Павел поправил фуражку и нажал кнопку звонка.

– Не работает, – виновато сказала Таня. – Стучать надо.

Павел кулаком постучал в дверь.

Через минуту недовольный женский голос спросил:

– Кто там? Танька, ты?

– Это милиция, – строго ответил Павел. – Откройте!

Женщина за дверью сдавленно охнула.

– Коля! – услышали мы. – Там милиция!

Мужской голос снова что-то пробубнил.

– Иди и сам посмотри! – ответила ему женщина.

Павел снова постучал в дверь.

– Откройте!

Послышался скрип половиц, затем щёлкнул замок, и дверь распахнулась.

– Ну, и чего надо? – недовольно спросил нас крепкий краснолицый мужчина. Короткая стрижка делала его похожим на сердитого ежа.

Мужчина был не то, чтобы пьян, но навеселе. Его необъятный волосатый живот выступал из-под расстёгнутой рубашки. Ниже виднелись форменные серые брюки. А на плечах рубашки были погоны старшего лейтенанта милиции.

Глава 4

Старший лейтенант с подозрением смотрел на нашу компанию. Я услышал, как за моей спиной Таня шумно вдохнула. Да и сам ощутил холодок в груди. Чёрт! Приехали на арапа, называется!

Не растерялся только Павел. Он козырнул и официальным голосом сказал:

– Убийство, товарищ, старший лейтенант! Пройдёмте с нами!

Со старшего лейтенанта мгновенно слетела вся уверенность. Он выпучил глаза, крепкая челюсть отвисла от удивления.

– Где?

– Здесь. Идёмте, время не терпит.

– Б...! Щас, погодите!

Старший лейтенант повернулся и крикнул вглубь квартиры:

– Галя! Где мой китель? Быстрее!

Не закрывая дверь, он стал обуваться.

Таня прижалась к облупленной стене подъезда. Алесей Дмитриевич и Валентина Михайловна молчали. Я не понимал, что затеял Павел, и тоже помалкивал.

Через минуту старший лейтенант выскочил из квартиры. Китель его был застёгнут не на те пуговицы. Рубаха торчала,

а пустая расстёгнутая кобура оттопыривалась. Подмышкой милиционер держал кожаную папку на молнии.

– А это кто? – спросил он Павла, кивая на нас. – Свидетели, понятые?

– Да, – ответил Павел и первым пошёл вниз по лестнице. Старший лейтенант – за ним. Проходя мимо Тани, он удивлённо взглянул на девочку, но ничего не сказал.

Мы вышли во двор дома.

– Ну, где? Кого убили, лейтенант?

– Не убили, а убивают прямо сейчас, – ответил Павел, – вот её.

Он кивнул на Таню.

– В смысле? – опешил старший лейтенант.

И тут в разговор вступила Валентина Михайловна.

– В том смысле, что девочка боится идти домой. Её мать пьёт, не даёт ребёнку нормально учиться. А вы, вместо того, чтобы пресечь это безобразие, сами в нём участвуете!

Старший лейтенант уставился на Валентину Михайловну.

– Вы кто?

– Учитель русского языка и литературы! – гордо ответила Валентина Михайловна.

– А я директор школы! – представился Алексей Дмитриевич.

Он не стал уточнять, что его школа находится в Черёмуховке.

Старший лейтенант оторопело обводил нас взглядом.

– Не понял. Слышишь, лейтенант – ты что за цирк тут устроил? Ты откуда вообще? Что-то я раньше тебя не видел.

– Никакого цирка, – твёрдо ответил Павел. – Лейтенант Вольнов, Волховский РОВД. Здесь нахожусь по личному делу. Ко мне за помощью обратилась девочка, которая боится идти домой, потому что там её мать пьёт с сожителем. Я узнал, где она учится, и вместе с учителями пошёл по домашнему адресу, чтобы провести беседу с матерью.

Павел вытащил из кармана удостоверение и показал его старшему лейтенанту.

– А тут вы, – с укором сказал он.

– Ну, ты это, – угрюмо ответил старший лейтенант, – Полегче, не загоняйся. Это ж не твоя земля.

– А какая разница? – спросил его Павел. – Порядок-то один.

На втором этаже распахнулось окно. Из него высунула встрёпанная женщина неопределённого возраста с опухшим лицом. Её обесцвеченные химией волосы стояли дыбом, груди чуть ли не вываливались из-под небрежно запахнутого халата.

– Коля! Что там? – закричала она, и вдруг увидела Таню.

– Танька! Ах ты, б...! Ты где шлялась? Живо домой!

В других окнах тоже замелькали любопытные лица. Таня покраснела от стыда.

– Закрой окно! – заорал на женщину старший лейтенант. Женщина испуганно отпрянула и захлопнула створки.

– Может, в квартире поговорим? – недовольно пробурчал старший лейтенант.

– Хорошо, – согласился Павел.

– И без этих.

Старший лейтенант мотнул головой в нашу сторону.

– Это представители школы и общественности. Без них не получится.

– Я должна проверить условия, в которых живёт девочка! – снова вмешалась Валентина Михайловна. – Думаю, в районном отделе народного образования очень заинтересуются этой историей. И вашим в ней участием тоже.

Она с угрозой посмотрела на милиционера.

– Подождите! – остановил учительницу Павел. – Возможно, товарищ старший лейтенант тоже пришёл проверить условия, в которых живёт девочка. И давайте, действительно, пройдем в квартиру.

Мы снова поднялись по лестнице. Дверь в квартиру была заперта. Старший лейтенант с досадой треснул кулаком по хлипкой филёнке.

– Галя! Открой!

Оглянулся на нас и поправился:

– Гражданка Скворцова, откройте, пожалуйста!

Это была даже не бедность – разруха.

Лопнувшие обои на стенах, куча немытой посуды в эмалированной раковине, стол с порезанной клеёнкой – весь в

крошках и остатках засохшей еды.

Перемотанный тряпкой кран на кухне подтекал. В туалете печально журчал бачком надколотый унитаз.

Павел остался на кухне договариваться со старшим лейтенантом. Мы прошли в комнату.

– А где Таня делает уроки? – спросил Алексей Дмитриевич, с удивлением оглядывая обстановку.

Колченогий сервант, в котором стояла разномастная посуда. Разложенный диван с небубренным постельным бельём. Древняя ширма, за которой виднелась односпальная кровать. Журнальный столик с кругами от бутылок на полированной поверхности.

И всё.

– В школе она их делает, – недовольно сказала мать Тани. – Здесь негде. Сами видите, как живём – теснота! Не вернуться!

Она стояла, уперев руки в бока, словно этой позой пыталась придать себе уверенности. Даже на расстоянии трёх шагов я ощущал запах спирта и немытого тела.

Странно, что нет запаха перегара. Хотя, она ведь недавно пришла с работы.

– Где вы работаете? – спросил я.

– Приёмщицей в «Стеклотаре». А что?

Женщина с вызовом уставилась на меня.

– Разрешите?

В комнату вошёл Павел. Быстро огляделся.

– Мы с товарищем участковым договорились полюбовно. Девочка сегодня же переедет к бабушке. А старший лейтенант проследит, чтобы мать не мешала ей учиться.

Павел сделал паузу и добавил:

– Ну, а мы скромно промолчим о том, что увидели.

– Значит, отбираете дочку? – вскипела женщина. – Родную дочь у матери? И ты с ними, Коля?!

– Остынь, Галя! – рявкнул на неё участковый. – Я с тобой ещё поговорю.

– Поговорит он! Нашёлся говорильщик!

Галя вдруг рухнула на диван лицом вниз и разразилась рыданиями.

Таня молча смотрела на мать.

– Собирай вещи, – сказал я девочке. – И постарайся ничего не забыть. Всё перевезём на машине.

Стараясь двигаться бесшумно, девочка принялась собираться.

– Николай Иванович! – сказал Павел мгинскому участковому. – Я очень прошу вас проследить, чтобы с девочкой всё было в порядке. Да и сам буду проверять. В ваши дела я лезть не хочу, меня волнует только судьба девочки.

– Ну, договорились же, лейтенант! – недовольно буркнул участковый. – Что я, не понимаю, что ли? Всё будет нормально.

– Ты ещё выпей с ними! – мгновенно прекратив рыдать, язвительно сказала Галя.

– Помолчи! – бросил ей участковый. – Тоже мозги-то надо иметь! Куда ты катишься?

Таня дёрнула меня за рукав.

– Я готова, – тихонько сказала она.

В правой руке у девочки была большая сумка, а левой она прижимала к груди плюшевого пса с длинными ушами и удивлённым выражением на морде.

– Идём!

Я взял у Тани сумку, и мы вышли на лестницу.

– Беги, доченька! Беги от родной матери! – кричала вслед Галя. – только потом обратно не просись – не пущу! Поняла, шалава?!

– Вообще, она хорошая, – тихо прошептала девочка.

По её лицу, словно сами собой, текли слёзы.

– Я знаю, – сказал я. – Просто сейчас ты ничем не сможешь ей помочь. Но, может быть, со временем что-то изменится. А тебе нужно учиться.

– Всё равно только год ещё, – ответила Таня. – А потом придётся искать другую школу. И на что-то жить. У бабушки пенсия маленькая.

Говоря это, Таня спускалась вслед за мной по ступенькам.

Я остановился и повернулся к ней.

– Мы всё решим, обещаю. Все вместе. И ты тоже будешь в этом участвовать.

Таня серьёзно посмотрела на меня.

– Зачем вам это, Андрей?

Я пожал плечами. Что тут скажешь?

– Затем, что мы – советские люди. Пока, сейчас – это правда. Да, запомни вот ещё что – это очень важно. Не нужно чувствовать себя обязанной за помощь. Просто когда сможешь – тоже помоги кому-то, вот и всё.

– Разве это так работает? – спросила Таня.

– Только так и работает, – подтвердил я. – И никак иначе.

Мы все вместе погрузились в машину. Валентину Михайловну посадили на переднее сиденье. Перед тем, как сесть, учительница скептически оглядела машину, но ничего не сказала.

– Таня, где живёт твоя бабушка? – спросил я, заводя двигатель.

– Видите магазин «Промтовары»? Поверните за ним направо, только осторожно. Там дорога грязная.

За магазином я свернул на улочку, которая тянулась между двумя рядами давно некрашенных деревянных заборов. Проезжая часть вся была в лужах и выбоинах. Кое-где лужи пытались засыпать щебнем и битым кирпичом, но бросили, не доделав. Кучи щебня торчали из грязной воды, словно унылые каменные острова.

За одним из заборов седой мужчина в фуфайке сжигал опавшие листья. Пряный дым костра метался на осеннем ветру и долетел даже до нашей машины. А мужчина, сгребая граблями листья в кучу, даже не взглянул на нас.

За одним из заборов лениво залаяла собака. Звеня цепью, она подбежала к забору и просунула между штакетин кудлатую голову.

В конце улицы я, по указанию Тани, свернул налево и остановил машину возле деревянного дома с фасадом в три окна и кирпичной трубой. На доме была прибита табличка «ул. Красина, 47», а рядом с табличкой – ржавая пятиконечная звезда, вырезанная из железного листа.

– У тебя в семье есть фронтовики? – спросил я Таню.

Она кивнула.

– Дедушка воевал. Но он умер десять лет назад. Я его почти не помню.

Открыв крепкую калитку, мы вошли в запущенный палисадник. Клумба из вкопанных наискось кирпичей была завалена мокрыми жёлтыми листьями, которые слетели с растущей под окнами берёзы. С другой стороны калитки, вдоль заросшего травой двора тянулись кусты смородины и крыжовника. Кое-где на крыжовнике висели исклёванные птицами жёлтые ягоды.

Навстречу нам из дома вышла крепкая старуха. Высокая, чуть сутулая от работы, она молча смотрела на нас. Вязаная кофта мешком висела на её широких плечах, голову охватывал цветастый платок, из-под которого выбивалась седая прядь.

Мы по очереди поздоровались, но старуха ничего не ответила. Внимательно рассмотрев каждого, она повернулась

к Тане.

– Опять мамка выгнала?

– Я сама ушла, – ответила девочка.

Было видно, что она едва держится на ногах от усталости. Я запоздало подумал, что надо было её накормить, хотя бы в столовой возле станции. Должна же здесь быть какая-то столовая?

Старуха покачала головой. Суровая, с крепко поджатыми губами, она была похожа на лик с иконы.

– Ну, идём, – сказала она девочке.

– Подождите! – вмешался я. – Как вас зовут?

– Нина Егоровна, – вместо старухи ответила Таня.

– Послушайте, Нина Егоровна! Таня больше не может жить дома, с матерью. Можно она поживёт у вас?

– А вы кто? – вместо ответа спросил старуха.

– Я – Танина учительница, – ответила Валентина Михайловна.

– Директор школы, Воронцов Алексей Дмитриевич.

– Участковый, Павел Сергеевич Вольнов.

– Власть, значит? – старуха снова обвела нас взглядом, и в её глазах блеснула усмешка. – Ну, раз уж привели – так пусть живёт. Куда же ей деваться?

– У вас пенсия небольшая? – снова спросил я. – Может, надо чем-нибудь помочь?

– Справимся, – сурово отрезала Нина Егоровна. – Идите уже, своими делами занимайтесь. Они ведь у вас важные.

И снова в голосе Нины Егоровны послышались усмешка и горечь.

Она сухой рукой властно обняла Таню за плечи.

– Идём в дом.

– Да подождите вы!

Я вытащил из внутреннего кармана куртки пять рублей.

– Вот, возьмите на первое время. И скажите – какая помощь нужна? Ведь вы же одна живёте? Может, дров нужно привезти, или ремонт сделать?

Нина Егоровна пристально посмотрела на меня.

– А тебе какой интерес нам помогать? Идите отсюда. Нет у меня времени с вами разговаривать.

– Честно говоря, не понимаю – правильно ли мы сделали? – задумчиво сказал Алексей Дмитриевич.

Он подпрыгивал на сиденье и растерянно смотрел на меня.

– А что мы ещё могли? – спросил его Павел. – Оставить девочку с пьющей матерью?

– Тоже верно. Но теперь получается, что мы посадили её на шею пенсионерки, а сами умыли руки.

– Ну почему сразу «умыли руки»? Будем приезжать, помогать. Проверять, как учится девочка.

Особой убеждённости в голосе Павла не было. Я его понимал – за восемьдесят километров часто мотаться не будешь.

– Ну, ничего, – успокаивая сам себя, сказал Алексей

Дмитриевич. – Через год девочка, если не передумает, переведётся в другую школу. Можно за это время подобрать хороший интернат с проживанием. Там, конечно, сложно договориться. Но мы попробуем.

У меня после поездки тоже осталось чувство неудовлетворённости. Как будто взялся делать важное дело, и не доделал, бросил на половине.

Машинально следя за дорогой, я перебирал в голове все возможные варианты.

Забрать девочку у родственников невозможно. Никто не оформит на неё документы, прописку. Даже милиция здесь не поможет – для таких случаев существует заведённый порядок, который никто не станет нарушать.

Оставалось только надеяться, что с Таней всё будет в порядке, и она выдержит ещё один год учёбы.

Ладно! Всё, что могли, мы сделали. По крайней мере, теперь Тане не придётся каждый вечер наблюдать выходки пьяной матери. И даже если уроки она по-прежнему будет делать в школе – то хотя бы сможет спокойно отдыхать дома.

– Ну, как слетали, голуби? – спросил нас Фёдор Игнатьевич, когда мы вернулись в Черёмуховку.

Он сидел за своим столом, устало вытирая лицо крепкими ладонями.

– Добился, наконец, щёбня! – поделился с нами председатель. – ещё бы немного, и снег выпал. Отсыпали бы доро-

гу по льду. А ведь прошу с самой весны – дайте щебня на ремонт улиц!

– Мы что-то не заметили, чтобы дорога лучше стала, – улыбнулся Павел и снова плюхнулся на стол председателя.

– Паша! – возмутился Фёдор Игнатьевич. – Опять ты за своё? Тебя в детстве мало пороли, что ли? А ну брысь со стола сейчас же!

– Да ладно, ладно – засмеялся участковый. – Что вы со мной, как с кошкой-то?

– Да кошка умнее тебя! Её один раз сгонишь, второй раз сгонишь – а на третий она и сама не ползет. А тебя сколько ни гоняй – всё без толку. Слезай, кому говорю!

Фёдор Игнатьевич, не шутя, толкнул Павла в поясницу.

– Это нападение на представителя власти! – заливался смехом участковый.

– Я здесь сам представитель власти! Вот доведёшь ты меня – попрошу нам другого участкового поставить, посерьёзнее, да посолиднее.

– Не надо, Фёдор Игнатьевич! – взмолился Павел и мигом вскочил на ноги.

– Вот, другое дело! Ну? Как съездили? Рассказывайте!

Перебивая друг друга, мы рассказали Фёдору Игнатьевичу о результате своей поездки во Мгу.

– Значит, и там участковые так себе? – усмехнулся Фёдор Игнатьевич. – Что же за напасть-то такая? Как станет человек участковым – так пиши пропало!

– Фёдор Игнатъевич! – возмутился Павел.

– Шучу я, Паша, шучу! Ты молодец – грамотно всё решил. А то ведь могли и на неприятности нарваться, архаровцы. Поехали они – без документов, без разрешения в чужом селе свои порядки наводить!

– Не свои, а законные, – заметил я. – Официально действовать – слишком долго. А девочка за это время могла вообще школу бросить.

– Да я вас не ругаю, Андрей Иваныч! Что смогли – то и сделали. И на том спасибо, как говорится. Ладно, идите! Дайте подумать, как следует. Или тебе, Андрей Иваныч, позвонить надо?

Я только сейчас вспомнил, что дома ждут моего звонка родители и волнуется Серёжка. Я ведь обещал им рассказать, как устроится судьба Тани.

– Я недолго, Фёдор Игнатъевич! Своим позвоню, и всё.

Председатель пожал широкими плечами.

– А по мне – хоть и долго. Телефона не жалко. Звони, сколько нужно, а я покурю пока.

Фёдор Игнатъевич достал из лежавшей на столе пачки папиросу, дунул в неё и привычно смял мундштук.

– Пойду пока, на крыльце покурю. И вы, голуби, давайте за мной!

Фёдор Игнатъевич вышел на крыльцо. Павел и Алексей Дмитриевич потянулись за ним.

Я через стол подтащил к себе телефон и набрал номер,

который с детства помнил наизусть.

– Привет, мам! Нет, всё хорошо. Приедете с отцом за грибами? Хорошо, буду ждать. Позови Серёжку, пожалуйста! Да, с Таней всё хорошо. Серёжка тебе расскажет, ладно?

Брату я подробно рассказал, как Таня переехала к бабушке. Иначе он всё равно бы от меня не отстал. Умолчал я только про мгинского участкового – не хватало ещё, чтобы пошли не нужные слухи.

Серёжка ещё что-то спрашивал, но я прервал его:

– Всё, Серый, хватит! Хочешь подробностей – приезжай вместе с родителями за грибами в выходные.

Серёжка замолчал, а потом тихо сказал:

– Я в выходные к Тане поеду. Посмотрю – как она там.

Тут вернулся Фёдор Игнатьевич. Удобно устроился за столом.

– Андрей Иваныч! А запиши-ка ты мне адресок этой Тани!

– Зачем вам, Фёдор Игнатьевич? – удивился я.

– Да больно у её бабушки фамилия знакомая – Скворченко. Как, говоришь, её зовут?

– Нина Егоровна.

– Нина? Была у нас в госпитале медсестра Нина. И, кажись, фамилия – Скворченко.

– Думаете, это ваша знакомая?

– Да кто ж её знает. В жизни всякие неожиданности случаются. Запиши, запиши адресок, на всякий случай.

***

Когда Андрей ушёл, Фёдор Игнатъевич долго сидел, о чём-то размышляя. Потом хлопнул ладонью по столу.

– Молодёжь! Возьмутся за дело, а до ума не доведут. Расхлёбывай потом за ними.

Он снял со стены приколотый скрепками план деревни и стал пристально его изучать.

– Вот здесь если? За Меньшовыми... – бормотал себе под нос председатель. – Тут и дорога есть – улицу ещё когда продлили. Но до колодца далеко. А если тут, на погорелом месте? И к магазину ближе. Да там, вроде, и яблони сохранились – в прошлом году видел, как цвели.

Фёдор Игнатъевич широко зевнул, прикрывая рот ладонью.

– Совсем вымотался с этим щебнем. Да ладно, пройись-то недолго! Посмотрю своими глазами, как следует.

Он приколот план на место, вышел и запер за собой дверь сельсовета. Вытащил из кармана очередную папиросу, прикурил и пошёл по улице в сторону магазина.

Глава 5

– Смотри, какой крепыш!

Мама радостно улыбнулась, показывая найденный белый.

Гриб, и вправду, был хорош! На толстой, словно бочонок, ножке плотно сидела крепкая шоколадная шляпка с жёлтой подкладкой. Шляпка сидела чуть набекрень, словно гриб за-лихватски сдвинул её, оглядываясь по сторонам.

Я достал нож и срезал гриб под самый корешок. Мякоть у ножки была плотная, упругая. Ни следа червей.

До сих пор среди грибников идут споры о том, как правильно собирать грибы. Одни считают, что их нужно срезать только ножом, чтобы не повредить грибницу. Мол, если потревожить эти тонкие белые нити, выдернуть их из земли – то на будущий год грибы в этом месте расти уже не будут.

Другие, напротив, уверяют, что гриб надо выкручивать из земли с корнем, и не оставлять кусочек ножки. Этот кусочек гниёт, и грибница начинает болеть и перестаёт давать грибы.

Если честно – я не знаю, как правильно. Но с детства привык ходить в лес с ножом, вот и пользуюсь им.

Я поднёс гриб к лицу и понюхал.

– А пахнет-то как!

В этом запахе словно сконцентрировались все ароматы осеннего леса – тонкая горечь опавшей сухой хвои, сладость прелой листвы, свежесть холодной дождевой воды в луже под

еловым выворотнем.

– Посидим, дождёмся отца? – предложила мама.

Отец, как всегда, нарезал большие круги от края до края лесной гривы. Он не столько искал грибы, сколько исследовал, разглядывал новое место. Извечный мужской инстинкт!

Будь я сегодня в лесу один – поступил бы точно так же. Тоже шёл бы то в самой гуще ельника, где под тугими ветвями высыпали стаи ярко-оранжевых рыжиков. То выбирался бы на простор, к самому краю широкого клюквенного болота, где растут крепкие коричневые подберёзовики.

Посмотришь под ноги – словно одна широкая шляпка лежит на бледно-зелёной поросли мха. А захочешь срезать и поймёшь, что вглубь, к земле уходит длинная тонкая ножка. Да какая! Сантиметров двадцать, а то и тридцать!

Но подберёзовики мы сегодня не брали. Слишком уж они напитались сыростью. В корзине вроде бы крепкая шляпка быстро превратится в бесформенное липкое желе.

Зато нарезали целый рюкзак чёрных груздей на засолку, да и рыжиков набрали столько, что можно будет засолить их в отдельной посуде, не перемешивая с другими грибами.

Да и на сушку грибов хватит. Белые и подосиновики попадались часто – всё-таки, не зря я повёз родителей в Вязник. Этот лес далеко от деревни, местные сюда ходят редко, да и приезжие почти не добираются. Предпочитают собирать грибы и ягоды поближе к деревне.

За грибами в Черёмуховку приезжали часто. Грибни-

ки-одиночки добирались утренним рейсовым автобусом, целый день бродили и аукали вокруг деревни, а вечером, возле магазина пили остывший чай из термосов и жевали прихваченные из дому бутерброды.

Но приезжали и организованно. Часто предприятия нанимали для своих сотрудников целый автобус и везли желающих отдохнуть и побаловаться дарами леса.

Такие автобусы приезжали, как правило, только на полдня – им ведь ещё нужно было добраться до Ленинграда и высадить грибников у станции метро.

Приезжали не только за грибами, но и за клюквой. Я прекрасно понимал горожан – после рабочей недели в душной конторе или заводском цеху хорошо неторопливо побродить по лесу, или болоту, набрать корзинку крепких красных ягод. А потом, зимой, варить из клюквы кисло-сладкий розовый морс, который замечательно помогает сбивать температуру при простуде.

– Давай, посидим, – согласился я и стал оглядываться в поисках подходящего места для привала.

Видно было, что мама изрядно устала. Шутка ли – несколько часов мы уже бродим по лесу. Корзинки почти полны, пора и в обратную дорогу собираться.

Мы присели на упавшее дерево. Я развязал рюкзак и достал оттуда большой полуторалитровый термос с чаем, свёрток с бутербродами и сваренные вкрутую яйца. С костром

решил не возиться – зачем, если родители прихватили термос?

Чай из термоса по вкусу очень отличается от любого другого чая. Н получается не свежесваренный, а настоявшийся. Поэтому к терпкому чайному вкусу примешивается вкус и запах запаренного банного листа и душистой травы. Можно с завязанными глазами определить на вкус, откуда тебе налили чай – из чайника, из термоса, или из котелка, который кипел на костре. Это совершенно разные напитки, и каждый из них по-своему хорош.

Я очистил яйцо, по привычке бросая скорлупу прямо на землю.

– Что же ты мусоришь, Андрюша? – укоризненно спросила мама. – Это ведь твой лес. Ты его беречь должен.

– Мам, яичная скорлупа – это не мусор, а удобрение, – улыбнулся я. – Дожди смоют с неё защитную плёнку, бактерии переработают и удобряют почву. И лесу будет хорошо. Уже весной от скорлупы ничего не останется.

– Всё равно, – вздохнула мама. – Некрасиво. Если каждый грибник будет так чистить яйца – скоро весь лес окажется завален яичной скорлупой.

Ну, что тут поделаешь? Ты можешь сколько угодно знать биологию, понимать, что в лесу ежегодно выводятся из яиц тысячи птенцов, оставляя за собой скорлупу. И лесу это только пользу. Но с родителями не поспоришь.

Я наклонился и молча собрал скорлупу в ладонь, а потом

завернул в промасленную бумагу, которая осталась от бутербродов. Бумага была серая и шершавая – в такую заворачивают покупки в магазине.

– Молодец, – улыбнулась мама.

Сзади затрещали ветки, словно через подлесок ломился крупный зверь. Вот только ни один зверь не носит резиновые сапоги сорок пятого размера. И корзинкой за кусты не задевает.

– Чай пьёте? – укоризненно сказал отец, подходя к нам. – А меня не позвали?

Он плюхнул на мох тяжёлую корзину, полную грибов.

– Ох, до чего лес богатый! И человеческих следов нет, грибы нетронутые. А клюквы сколько в болоте! Как будто кто-то рассыпал.

Отец присел на дерево, вытянув длинные ноги с болотных сапогах со скрученными голенищами.

– Андрюха, плесни-ка мне чайку! Пить хочется. Мать, бутерброды ещё остались, или этот проглот всё слопал?

– Держи, – я протянул отцу крышку от термоса, до краёв полную горячим коричневым чаем.

Отец откусил бутерброд с варёной колбасой, сделал несколько торопливых глотков и шумно выдохнул.

– Хорошо! Нашёл же ты себе, Андрюха, работу! Благодарить! И за это ещё деньги платят. А другие за такую зарплату на заводе вкалывают.

– Кто на что учился, – улыбнулся я.

– Слушай, а что тут у вас взрывали?

– Когда? – не понял я.

– Да недавно совсем. Там, – отец махнул рукой в сторону озера, – в лесу землянка разворочена взрывом. И деревья вокруг повалены, совсем недавно.

Чёрт! Отец с его неуёмным любопытством умудрился добраться до развалин схрона с оружием.

– Не знаю.

Я правдоподобно пожал плечами.

Историю с бандитами я родителям не рассказывал, чтобы не тревожить маму.

– Может, геодезисты баловались? – с сомнением протянул отец.

Он взял яйцо, покатал его по стволу. Скорлупа лопалась с еле слышным хрустом.

– И ты туда же, – укоризненно сказала мама, глядя, как он бросает скорлупу прямо на землю.

– Батя, с нами сегодня инспектор по чистоте леса, – пошутил я, подбирая скорлупу в мусорный свёрток.

– Мальчишки! – вздохнула мама. – Намусорят и бросят. Заставить бы вас квартиру прибирать почаще – так помнили бы про чистоту.

– А мы что, не прибираем? – возмутился отец.

Уборкой у нас, и вправду, занималась вся семья. Отец пылесосил или выколачивал ковры, мама вытирала пыль, перемывала посуду из серванта, мыла ванну и туалет.

А мне доставалось мыть полы.

Как ни странно, я очень любил это занятие. И не шваброй возюкать, а на коленочках, с тряпкой проползти всю квартиру, заглядывая в самые дальние углы – и под кровати, и под шкафы, и под диван в гостиной.

Когда я подрос, то сам взялся выколачивать ковры. Ковёр надо вернуть в тугой рулон, вынести на улицу и повесить на турник во дворе. А потом что есть силы лупить по нему палкой, пока вся пыль не выбьется, и ковёр не станет чистым.

Зимой ковёр полагалось ещё расстелить, накидать на него снега и смести метёлкой. И только потом скатать обратно и занести в квартиру.

После чистки ковра на снег уставался серый вдавненный прямоугольник.

– Ну, что? – спросил я. – Идём к машине? Грибов набрали столько, что вытащить бы теперь.

– Да уж, – вздохнула мама. – А сколько их чистить и мыть? Да ещё солить и замачивать!

– Давай поделим, – предложил я. – Ты забери те, что на засолку, а мне оставь те, которые на сушку. В доме у печки сушить удобнее.

Я завязал рюкзак и закинул его на спину. Подхватил свою корзинку и мамину.

Отец тоже пересыпал грибы в рюкзак освобождая корзину.

– По дороге ещё пособираю, – объяснил он. – Жалко, если пропадут без толку.

– Лоси съедят, – ответил я.

– А лосей тут, и вправду, много, – оживился отец. – И следы кругом, и помёт. По краю болота все осины обглоданы. Загонную охоту устраивать не собираетесь? Я бы подъехал.

– Начальство пока не звонило, – ответил я. – Но если соберутся, я тебя предупрежу.

В деревне возле остановки скучал пыльный «ЛиАЗ» – синий, с красной полосой по борту. Водителя за рулём не было, но передняя дверь автобуса осталась открытой.

На остановке, весело переговариваясь, сидели грибники. Видно, самые обязательные вышли из леса пораньше и теперь дожидались остальных, прежде, чем ехать в город.

Чтобы не терять времени, грибники достали свои припасы. Обменивались бутербродами и помидорами, наливали друг другу чай. Весело ходила по рукам бутылка водки.

Самые хозяйственные, чтобы не терять времени в городе, уже чистили и перебирали собранные грибы.

Урна, сделанная из обрезанной топливной бочки, была переполнена мусором. Один из грибников, разлил по стаканам остатки водки и бросил бутылку в траву возле дороги.

– Андрюша, останови машину, пожалуйста, – сказала мама.

– Зачем, мам? – не понял я. – Нет времени. Надо Таню

встречать – она на двухчасовой электричке приедет.

– Останови, пожалуйста, машину.

Голос у мамы был такой расстроенный, что я понял – остановиться всё же придётся.

Чтобы не разворачиваться, я просто сдал машину задним ходом, затормозил возле остановки и выпрыгнул из-за руля.

Мама вылезла, держа в руках матерчатую сумку. Ни на кого не обращая внимания, она принялась собирать в сумку мусор, который набросали возле остановки грибники. Те с удивлением смотрели на неё.

Я покачал головой и присоединился к матери. Это был самый простой способ укоротить неожиданную заминку.

Грибники переглянулись, и стали неохотно подбирать за собой мусор. Никто не говорил ни слова, как будто не происходило ничего особенного.

Через десять минут вокруг остановки было чисто. Только заполненная мусором урна портила картину.

– Где у вас помойка, Андрюша? – спросила мама. – А то подъедет следующий автобус, а урна полная. Снова мусор на землю накидают.

Я покачал головой и открыл задний борт машины.

– Батя, помоги урну загрузить! Отвезём на помойку, вытряхнем.

С травы неохотно поднялись двое мужчин. Они подхватили урну и с усилием потащили её к машине. Я помог мужчинам впихнуть урну в кузов и закрыл борт.

Когда мы вернулись к остановке, автобуса уже не было. Мы с отцом выгрузили из машины пустую урну, и поставили её на место.

– Довольна, мать? – с усмешкой спросил отец.

– Спасибо! – улыбнулась мама.

– Ну, мам, ты даёшь! – рассмеялся я, трогая машину с места. – И в Черёмуховке умудрилась уборку затеять! Здесь совхоз убирает.

– А зачем переваливать работу на кого-то, если можно сделать самим? – спросила мама.

– Вот чёрт! – хлопнул я себя по лбу.

– Что?

– Наш мусор забыл выкинуть! Так и болтается в рюкзаке.

– Вот теперь и вези до дома, – улыбаясь, сказала мама.

***

Электричка подошла вовремя. Я стоял возле первого вагона, высматривая Катю в толпе приезжих. И откуда столько людей едет на каждой электричке? Не сидится им дома!

Пассажиры переговаривались, ловили детей, тащили сумки, свёртки и даже тележки. Я крутил головой во все стороны, чтобы не пропустить Катю в этой толчее. Конечно, мы не потеряемся, Катя знает, что я её встречаю, да и машину заметит. Но...

– Андрюша!

Я увидел Катю, которая махал мне рукой. Рядом с ней сто-

Яли двое парней, по виду чуть моложе меня. В руках у них были сумки.

– Привет!

Я хотел поцеловать Катю в губы, но она подставила щёку.

– Привет! Знакомься – это Кирилл и Слава. Мы вместе учимся, и они живут здесь, в Волхове. Правда, здорово?

– Конечно, – вежливо ответил я.

Парни не вызвали у меня симпатии. Просто самим фактом своего наличия рядом с Катей.

– Ребята, а это Андрей. Знакомьтесь!

– Тот самый егерь, который живёт в лесу с медведями? – прищурился один из парней.

– И с медведицами! – захохотал второй.

– Вы чего, ребята?

Катя с недоумением уставилась на своих попутчиков.

– Мы просто шутим – улыбнулся тот, которого звали Кириллом.

Лицо у него было открытое, с высоким лбом и зачёсанными назад светлыми волосами. Уверенный взгляд говорил о том, что парень привык быть лидером. И сейчас он с юношеским задором прощупывал меня.

Я ответил ему спокойным взглядом и протянул руку.

– Дай, пожалуйста, Катину сумку. Большое спасибо, что проводили её, но сейчас нам пора.

– А как же насчёт того, чтобы заехать в гости?

Кирилл, улыбаясь, повернулся к Кате.

– Отметим выходной, послушаем музыку.

– Твои родители не будут против того, что ты привёл в дом компанию? – поинтересовался я.

– У меня отдельная квартира, – с лёгким оттенком превосходства сказал Кирилл.

– Отец Кирилла работает главным врачом в Волховской больнице, – объяснила Катя. – Спасибо, ребята! Но мы, всё-таки, поедем.

– Поедем-поедем в избушку к медведям! – подхватил Слава.

Он был полной противоположностью своему приятелю – невысокий, но коренастый с чёрными волосами и мелкими чертами лица.

– Может быть, вы с другом подбросите нас? – мило улыбнулся Кирилл – Здесь недалеко. Но тратиться на такси неохота.

– Пижон! – упрекнула его Катя. – Вполне могли бы дойти пешком. Подвезём ребят, Андрей?

Я молча пожал плечами, взял у Кирилла Катину сумку и пошёл в сторону выхода с платформы.

Катя пошла рядом со мной, а парни чуть приотстали. Я слышал, как они шепчутся.

– Как ты доехала? – спросил я Катю.

– Весело, – улыбнулась она. – Ребята всю дорогу рассказывали анекдоты на спор – кто больше знает.

– И кто победил?

– Кирилл.

– А на что спорили?

– А вот это секрет, – вмешался Кирилл, догоняя нас.

– Они даже мне не сказали, – подтвердила Катя. – Как я ни просила.

– Я тебе потом скажу, – пообещал Кирилл и улыбнулся, глядя на Катю.

С каждой минутой эта парочка нравилась мне всё меньше и меньше.

– Ого, какой драндулет! – присвистнул Слава, когда мы подошли к машине. – Трофейная? От деда досталась?

– Много ты понимаешь, – включился в игру Кирилл. – Это супервездеход! Незаменимая вещь на бездорожье. Но я не знал, что по дорогам он тоже способен передвигаться.

Я открыл дверцу, и закинул Катину сумку в кузов.

– Спасибо, что проводили девушку, ребята, – сказал я парням. – Но дальше вам придётся пешком. Мы, действительно, торопимся. Садись, Катя!

Катя растерянно посмотрела на меня и послушно села в машину.

– Нелюдимый ты человек, егерь, – с усмешкой сказал мне Кирилл. – Шуток не понимаешь, выпить в хорошей компании не хочешь. Да ещё и девочку увозишь, неизвестно куда.

– Почему «неизвестно»? – вмешался его приятель. – К медведям он её увозит.

Парни стояли прямо у меня на дороге, и я сделал шаг вперёд. Они неохотно расступились.

– Да ладно тебе, Андрюха! – вдруг рассмеялся Кирилл. – Мы же просто пошутили, а ты сразу напрягаешься.

Он нарочито простецким движением взлохматил свои волосы.

– А мы, пожалуй, и вправду пешком пройдемся. Катя, ты когда обратно в Ленинград поедешь? Завтра вечером или в понедельник утром? Можем снова поехать вместе.

– Пока не знаю.

Катя пожала плечами.

– До свидания, ребята!

– Пока-пока!

– Хорошей дороги!

Глава 6

Сушить грибы – это та же самая медитация, только лучше.

Сначала грибы нужно подготовить. Мочить их перед сушкой ни в коем случае нельзя, поэтому обходимся ножом и влажной, почти досуха отжатой ворсистой тряпочкой. Хорошо подойдёт рукав или подол от старой фланелевой рубашки.

Конечно, приятно, когда гриб на срезе чистенький, плотный, упругий. Но если попадутся одна-две червоточины – это не страшно. Главное, чтобы не больше.

Тщательно чистим грибы ножом, прилипшую грязь оттираем тряпочкой. Ножи можно скоблить, а можно тоненько срезать верхний грязный слой и оставлять только чистую мякоть.

И не забудьте застелить пол газетой. Лучше всего подойдёт «Гудок» или «Смена» – в них часто печатают интересные юморески, которые можно почитать за работой. В крайнем случае, сгодится любая другая газета, только не первая страница. На первой полосе всё время публикуют огромные статьи о съездах партии, увеличении севооборота и других важных мероприятиях. А вы же не хотите уснуть за работой?

Если сэкономить на газете, то потом придётся мыть пол. Как бы вы ни старались, часть грибов обязательно упадёт мимо миски или мусорного ведра и подавится ногами.

Пальцы от чистки грибов чернеют, а спина затекает. Но что поделать? Грибной суп с картошечкой стоит потраченных на него усилий.

Когда грибы вычищены, их надо нарезать. Ножки режем на куски длиной с мизинец, шляпки – пополам, а особо крупные – на четыре части. Заодно проверяем шляпки на наличие в них червяков. Некоторые породы грибных червей ужасно хитрые – они не карабкаются к шляпке изнутри ножки, а появляются сразу наверху.

Готово?

Теперь берём толстую суровую нитку и иголку, которая называется «цыганской». У неё большое ушко, она легко протыкает войлок и даже кожу. Такой иглой удобно подшивать валенки, чтобы не снашивались.

Продеваем нитку в иголку, складываем вдвое и начинаем нанизывать грибы. Жадничать не нужно – заполните грибами только половину нитки. Чтобы грибы не сваливались, с обратного конца нитки можно привязать поперёк длинную щепку.

Надели?

Теперь цепляйте концы ниток к гвоздикам, заранее вбитым в стену. Желательно, чтобы стена была не уличная, а перегородка внутри дома. Если она недалеко от печки – тем лучше. Когда прицепите – раздвиньте кусочки грибов, чтобы между ними были промежутки. Так они быстро и равномерно высохнут.

Нитка за ниткой, и вот уже все стены увешаны связками грибов. Воздух в доме наполняется вкусным грибным запахом. Вы со стоном разгибаете затёкшую поясницу и довольно оглядываете помещение. Вы потрудились не зря. Теперь зимой у вас в любой день будет на столе вкусный и наваристый суп.

Представили? Красота, правда?

А если всё это делать вместе с любимой девушкой?

– Обещал приехать в Ленинград, а сам всё не едешь, – с упреком сказала Катя, очищая шляпку подосиновика от прилипших к ней сосновых иголок.

– Не сердись, – улыбнулся я. – Самому хочется, но никак не вырваться. Но на следующей неделе приеду точно. Надо отвезти декану данные по деревьям, поражённым вредителями. Он мне уже напоминал.

Я насаживал кусочки грибов на нитку.

– Можно, я буду их развешивать? – спросила Катя.

– Конечно.

Катя взяла у меня из рук готовую вязку, прицепила её концы на заранее вбитые гвоздики и отошла на пару шагов.

– Как будто новогодняя гирлянда, – сказала она, любуясь делом своих рук. – Слушай, а где мы будем встречать Новый год?

– А ты где хочешь? – спросил я её.

– Я бы хотела в Ленинграде, – вздохнула Катя. – Его на-

верняка украсят к празднику. И Невский проспект, и Дворцовую. А на стрелке Васильевского острова зажгут ростральные колонны. Красиво!

– Почему бы и нет, – улыбнулся я. – Сядем в машину и махнём!

– А у тебя получится?

Я пожал плечами.

– Посмотрим. Но если вдруг не выйдет...

– Если вдруг не выйдет, – сказал Катя, – то мы всё равно встретим праздник вместе.

Она дотронулась рукой до моей щеки. Потом подалась вперёд и легко, едва касаясь, поцеловала в губы. Я потянулся к ней, но Катя танцевальным движением отпрянула в сторону.

– Нет! У тебя руки грязные!

– А у тебя?

– Мне можно! И вообще, ты филонишь! Где следующая гирлянда?

– Сейчас будет, – расхохотался я.

– Слушай, а как там Трифон? – спросила Катя. – Работает?

– И днём, и ночью, – заверил я её и не соврал.

Я несколько раз заходил повидаться с Трифоном, и всё время у него кто-то был. Рано утром или поздно вечером, в выходные и будние дни он возился с пациентами – мазал, бинтовал, ставил банки и горчичники, делал уколы и массаж.

– Откуда у нас столько больных? – как-то спросил я Трифона.

Он улыбнулся в густую чёрную бороду, которую так и не сбрил.

– Здоровых людей на свете, считай, и нету. Разве только маленькие дети.

– В каком смысле? – опешил я. – Вот я, например, здоров.

Трифон бросил на меня короткий внимательный взгляд.

– С тобой отдельная история, Андрей. Ты вторую жизнь живёшь, и многое понял. Если не умом, так чутьём. Потому как тебе болезни и не пристают.

– А что, болезнь от понимания зависит?

– А от чего ещё? Не всегда, но часто.

– Объясни, – попросил я.

– Да очень просто. Вот гложет человека какая-то забота, тревога. Ходит он, ходит, думает всё об одном. А потом – хлоп! И язва желудка.

– Интересно! Я думал, что язва от неправильного питания бывает.

– Питание способствует, конечно. Но сам посуди – правильное питание открыто не так давно. А до этого люди сплошь и рядом ели, что придётся. Но язвами и гастритами повально не болели.

– Ну, а простуда? – недоверчиво спросил я.

Трифон разгладил бороду.

– Ну, вот смотри. Бывают случаи, когда человек под лёд

провалится зимой. Вымокнет, весь заоченеет. Но на чистом упорстве добирается до тепла и жилья. И хоть бы что ему! Спиртом разотрётся, внутрь примет, чтобы согреться, горячего поест – и утром как новенький. Слышал про такие случаи?

– Слышал, – ответил я, смутно припоминая что-то из Джека Лондона.

– Вот. А другой возле форточки постоит – утром насморк, температура, кашель. А почему?

– Почему? – спросил я, не желая гадать.

– А на работу ему идти неохота. Вот и даёт организму команду заболеть.

– Да ну, – недоверчиво сказал я. – Не может быть.

– Ты вот что пойми – болезнь, это сочетание внешних и внутренних причин. Силой воли болезнь не всегда можно отогнать, и не любую. Но если сдался, не борешься – тебя и простуда в гроб вгонит. Но хуже всего другое.

– А может быть что-то хуже?

– Может. Когда человеку внимания не хватает. Любви, заботы. Сам он себе это дать не может – ходит, мучается. Смотришь – заболел. И сразу его лаской, вниманием окружают. А человеку всё хуже и хуже. Не хочет он выздоравливать. Не притворяется, не специально. Само собой так получается. Больному ему лучше, чем здоровому.

– И что теперь? – сердито спросил я. – Не заботиться о больных, что ли?

– Да не о больных речь, а о тебе, – улыбаясь, сказал Трифон. – На себя примерь то, что я сказал, и не допускай слабости внутри. Тогда и болеть реже будешь. А если есть у тебя близкий человек – так заботься о нём, пока он здоров. Не жди, когда заболит.

– А в этом что-то есть, – сказала Катя, вешая последнюю связку грибов. – Я читала о чём-то подобном в медицинском журнале. Интересный человек этот твой Трифон. Надо будет с ним поговорить.

– Так давай завтра напросимся к нему на чай, – предложил я. – Можем с утра и заглянуть.

– А где он живёт?

– Прямо в медпункте. Поставил в кабинете кровать, там и ночует.

– Странно.

Катя поёжилась, словно от холода.

– Ты же говорил, что у него жена и сын в Ленинграде. А он живёт здесь в медпункте, словно ему ничего больше и не надо. А до этого вообще в лесу жил.

– Станный, – согласился я. – Но Черёмуховке от этого только польза. А в Ленинград он недавно ездил – повидал жену и сына. Но ничего не рассказывал.

– Решено! – сказала Катя. – Завтра с утра идём в гости к Трифону.

Она взглянула на часы.

– Ой! Мы же ещё в клуб успеваем, на кино! Какой сегодня фильм?

– Не знаю, – улыбнулся я.

– Неважно! Быстро мой руки, и побежали! Я хочу веселиться!

В окно кто-то быстро забарабанил.

Я вздрогнул и всмотрелся в серые сумерки за окном.

– Тимка?

Это был один из тех мальчишек, которые притащили в деревню гранату.

Я махнул ему рукой, и он быстро забежал в дверь. Ввалился в кухню и, тяжело дыша, спросил:

– Фёдор Игнатьевич не у вас?

– Нет, – ответил я. – А что случилось?

– Степан Владимирович пошёл!

– Какой Степан Владимирович? Куда пошёл?

– Старик Худояров! Он с лета не вставал! А тут в клуб пришёл сам! Мне мать говорит – беги, отыщи Фёдора Игнатьевича, или кого-нибудь с машиной. Вдруг старику плохо станет совсем!

– Поехали, Андрей! – решительно сказала Катя. – Скорее!

Мы выскочили на улицу. На полдороге к калитке я вспомнил, что ключ от машины оставил на столе. Бегом вернулся. Катя уже нетерпеливо дёргала дверцу.

Я запрыгнул в машину, открыл Кате дверь, и едва она уселась – рванул с места.

Через две минуты мы были возле клуба.

У дверей толпился народ. Женщины негромко ахали:

– Надо же! Ведь поднял Трифон старика! Не зря через день к нему ходил.

– А что он делал? – спрашивала другая.

– Надо Катерину спросить. Она рассказывала, но очень непонятно. Вроде, сперва чаем старика поил каким-то, а потом начал с ним разговаривать. Часами возле кровати сидел и говорил негромко.

– А о чём говорил-то?

– Да не поняла Катерина. Она с кухни слушала, близко-то не подходила. Боялась помешать.

– Значит, разговоры помогли?

– Да какие разговоры?! Чай у него лечебный! Из лесных травок. А травки эти только Трифон и знает. Вот ими и отпоил старика.

– А я слышала – людям перед смертью легчает, бывает. Вот лежит человек, лежит. И не ест уже. А потом словно очнётся – и заговорит, и есть просит, и встать пробует. Родные только обрадуются, а на другой день – на тебе!

– Да тьфу, Наташка! Типун тебе на язык! Вечно такое выдумаешь, что слушать противно.

Мы с Катей пробились сквозь толпу, которая окружила старика. Степан Владимирович сидел на скамейке у самых дверей клуба. Отросшая белая щетина скрывала коричневые

морщинистые щёки.

Катя наклонилась над стариком.

– Степан Владимирович! Зачем вы встали? Вам лежать надо. Давайте, мы вас домой отвезём.

– Нет, – слабо, но ясно ответил старик. – Не надо домой. Успею. Я сон видел.

– Какой сон, Степан Владимирович?

Катя встревоженно оглянулось. Наверное, ей показалось, что Худояров заговаривается.

– Сына я видел во сне, – ответил Степан Владимирович. – Живого.

По толпе прошёл шёпот.

– Сына, говорит, видел!

– Где?

– Во сне.

– Тише!

– Что сын-то сказал? – с жалостью в голосе спросила Марья Антоновна – жена председателя.

– Сказал «Живи, батя! Ещё хоть немного поживи – порадуйся!»

– Господи!

Марья Антоновна концом платка вытерла слезу с глаза.

– Пойдёмте в клуб, Степан Владимирович, – сказал я. – Давайте, я вам помогу.

Старик посмотрел на меня и узнал.

– А, егерь! Спасибо за ружьё. Вернул память о сыне.

Я смутился.

– Это не я. Хорошие люди сделали.

– Ну, всё равно. Им спасибо от меня передай.

– Обязательно передам, Степан Владимирович! Пойдёмте в помещение!

– Погоди, Андрей Иваныч! – раздался за моей спиной голос Фёдора Игнатъевича.

Председатель протолкался к нам, внимательно посмотрел на Худоярова.

– Поднялся, значит, Степан Владимирович?! Вот и хорошо, вот и молодец! Идём, идём внутрь!

Вдвоём с председателем мы помогли Худоярову войти в зал и усадили на первом ряду.

– Заведующего клубом ко мне, быстро! – распорядился Фёдор Игнатъевич.

Через минуту прибежал заведующий клубом.

– Что у тебя сегодня в программе? – спросил его Фёдор Игнатъевич.

– «Всадник без головы», – ответил заведующий. – С большим трудом достал. Приключенческий фильм!

– Меняй! – решительно сказал Фёдор Игнатъевич.

– Как менять? – поразился заведующий. – Мне ведь плёнку не насовсем дали, только на один сеанс! В понедельник обратно повезу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.